

ЛИМЕРЕНЦИЯ

ЭЛИОТ ХОТОРН

ЖИЗНЬ — ВОЙНА,
ДУША — ПОЛЕ БОЯ

Элиот Хоторн Лимеренция

<https://litres.ru/74112174>

SelfPub; 2026

Аннотация

Элиот Хоторн всегда был хорошим сыном. Он поступил в университет, который одобрила мать, выбрал профессию, которую для него давно определили, и старательно следовал чужим ожиданиям. Но переезд в Итаку становится началом периода, когда привычная жизнь начинает трещать по швам.

На протяжении только лишь первого года самостоятельной жизни Элиоту предстоит пережить любовь и разочарование, обрести и потерять близких, столкнуться с предательством, утратой и необходимостью принимать решения самостоятельно. И главное — понять, можно ли стать собой, если всю жизнь ищешь себя в других.

«Лимеренция» — психологический роман взросления о поиске идентичности, дружбе, любви, искусстве и болезненной потребности быть нужным. История о том, как сложно отпустить идеализированные представления о людях и научиться жить собственной жизнью.

Содержание

ЭЛИОТ ХОТОРНЛИМЕРЕНЦИЯ	4
ПРЕДИСЛОВИЕ	6
ПРОЛОГ	8
ГЛАВА ПЕРВАЯ. ЧЕРНЫЙ ВХОД	10
ГЛАВА ВТОРАЯ. ПРИВЫЧКА	41
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ТОЧКА КИПЕНИЯ	72
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. ПОРОГ	87
ГЛАВА ПЯТАЯ. ИНЕРЦИЯ	134
ГЛАВА ШЕСТАЯ. ТРАНЗИТ	162
Конец ознакомительного фрагмента.	180

Элиот Хоторн Лимеренция

ЭЛИОТ ХОТОРНЛИМЕРЕНЦИЯ

Когда весь мир утонет в тишине

И солнце станет пеплом над землею,

Человек исчезнет, словно свет во сне,

Оставив вечность мёртвою и злою.

Когда твой взгляд стал холоден, как лёд,

И ночь легла на мир тяжёлой тенью,

Я понял: даже вечность предаёт,

Когда душа склоняется к забвению.

Когда погаснет солнце над землёй

И звёздный свод сорвётся в бездну мрака,

Любовь останется последнею зарёй

Над прахом мира, павшего во знаках.

Э.Г. Хоторн

ПРЕДИСЛОВИЕ

Есть чувства, которые не делают человека счастливым. Они делают его зависимым. Иногда самые сильные чувства рождаются не из любви, а из страха быть покинутым.

Я начал писать «Лимеренцию» как историю об одиночестве. О том состоянии, когда человек настолько долго пытается соответствовать чужим ожиданиям, что постепенно перестает понимать, где заканчиваются желания других и начинается он сам. Но со временем эта история стала для меня чем-то большим — попыткой исследовать эмоциональную зависимость, привязанность и ту болезненную потребность быть нужным кому-то любой ценой.

Элиот — не идеальный герой. Он часто молчит тогда, когда должен говорить, убегает вместо того, чтобы делать выбор, и слишком сильно цепляется за людей, рядом с которыми чувствует себя менее одиноким. Но именно в этом для меня и заключается его честность. Многие из нас хотя бы раз пытались найти в другом человеке спасение от собственной пустоты.

Эта история о страхе разочаровать семью. О попытке быть «правильным» человеком, когда внутри ты давно чувствуешь себя кем-то другим. О взрослении, которое редко выглядит красиво. И о том, как иногда искусство становится единственным способом остаться честным с самим собой.

Итака в этой истории — не просто город. Это состояние. Пространство между взрослением и страхом перед будущим, между свободой и зависимостью, между любовью и попыткой не потерять себя внутри неё.

Эта книга не пытается дать ответы. Скорее, она задаёт вопросы: можно ли быть любимым, не изменяя себе? Где проходит граница между близостью и зависимостью? И что остаётся от человека, если всю жизнь он был тем, кем его хотели видеть другие?

Спасибо, что открываете эту историю.

Надеюсь, однажды среди её страниц вы узнаете часть себя.

ПРОЛОГ

Иногда я думаю, что у тишины есть собственная температура. Не холод и не тепло — что-то между. Как у воздуха перед грозой, когда небо ещё не решило, станет ли оно разрушением или просто останется небом. В такие моменты кажется, что мир замирает не для того, чтобы отдохнуть, а чтобы прислушаться к самому себе. Я понял это уже потом — когда было поздно отличить, где заканчиваются мои мысли и начинаются чужие.

Тогда я ещё верил, что переезд способен что-то исправить. Что достаточно сменить город, запахи, лица, маршруты — и внутри тоже наступит порядок. Рочестер остался где-то позади, как плохо закрытая дверь, через которую всё равно продолжает тянуть сквозняком. Я называл это началом новой жизни, хотя на самом деле это было просто продолжение старой, только в другом освещении.

Есть места, которые не объясняют себя. Они просто впускают тебя внутрь и наблюдают, как ты постепенно перестаёшь быть тем, кем приехал. Я не сразу заметил, когда это началось со мной. Сначала — люди. Их голоса, слишком близкие и слишком лёгкие, как будто они знают друг друга дольше, чем существует этот город. Потом — дом, в котором я жил, наполненный чужими шагами и чужим смехом. Потом — ночь, которая не заканчивалась даже тогда, когда все уже

спали, потому что внизу продолжала жить чья-то чужая реальность. И где-то между этим появилось ощущение, которому я не мог дать имя. Это было не просто одиночество. И не просто привязанность. Это было что-то, что постепенно начинало занимать всё пространство внутри, как свет, который нельзя выключить, даже если закрыть глаза.

Иногда мне кажется, что всё началось с одного взгляда. С одного голоса в нужный момент. С ощущения, что тебя наконец-то заметили в мире, который давно научился проходить мимо. А иногда — что ничего не начиналось вовсе. Просто однажды я перестал быть наблюдателем и стал частью чего-то, что нельзя контролировать.

Я стоял у окна и смотрел, как дождь превращает улицы в размытые линии. Где-то далеко горели огни — не как обещание, а как вопрос без ответа. И в этот момент мне впервые показалось, что, если я сейчас исчезну, мир не заметит разницы. Но именно в таких мыслях и начинается то, что потом невозможно остановить. Потому что исчезновение — это тоже форма присутствия. И иногда самая опасная.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ЧЕРНЫЙ ВХОД

*«Сердце человека обдумывает свой путь, но
Господь управляет шествием его.»*

— Книга Притчей Соломоновых 16:9

Я никогда не любил прощания. Наверное, поэтому в то утро почти не смотрел в окно, когда мы выезжали из Рочестера.

Мама — Мэри — сидела впереди рядом с Джоном и время от времени оборачивалась ко мне. Она пыталась вести себя так, словно всё было нормально. Словно её единственный сын не уезжал из дома впервые в жизни. Она говорила о расписании занятий, о медицинском факультете, о том, как быстро пролетят четыре года. Мэри старалась выглядеть спокойной. Получалось довольно плохо. Каждые несколько минут она начинала говорить о медицинском факультете, о лекциях, о моих перспективах. Будто повторяла всё это не для меня, а для самой себя.

— Ты не забыл документы? — спросила она.

— Нет.

— А ноутбук?

— Нет.

— Ты меня вообще слушаешь? — спросила мама.

— Конечно.

Это была ложь.

Деревья вдоль дорог были такими густыми, что местами казалось, будто город вырос прямо посреди леса. Странное место для начала новой жизни. Идеальное место для побега.

— Красиво, правда? — спросила мама.

Я посмотрел в окно. Капли дождя стекали по стеклу, размывая очертания домов.

— Наверное.

Она вздохнула. Мой талант разочаровывать людей никуда не делся даже в день переезда. Я отвечал односложно. Не потому, что злился. Просто любое лишнее слово могло превратить этот день в очередной спор. А спорить я устал ещё несколько лет назад. Я снова отвернулся к окну. За стеклом проплывали мокрые деревья. Старые фермы. Редкие заправки. Низкие холмы. В сером свете дня всё выглядело немного призрачным. Будто мир существовал где-то между сном и реальностью.

Чем дальше мы уезжали от Рочестера, тем легче становилось дышать. От этого я чувствовал себя виноватым. Мама наверняка решила бы, что я переживаю из-за переезда. На самом деле я переживал только потому, что был слишком рад ему.

Отчим молча вёл машину. Иногда мне казалось, что Джон понимает меня лучше, чем мама. Он никогда не пытался убедить меня полюбить медицину. Никогда не рассказывал, ка-

ким должно быть моё будущее. Просто позволял существовать рядом. И за это я был ему благодарен.

— Ты волнуешься? — спросила мама.

Я пожал плечами. Волновался ли я? Наверное. Но не из-за университета. Не из-за экзаменов. И даже не из-за того, что мне предстояло жить с совершенно незнакомым человеком. Меня пугало другое. Что если после всех этих лет ожидания свобода окажется не такой, как я представлял?

Это место совсем не походило на Рочестер. Оно казалось старше и тише, словно хранило какие-то секреты. Может быть, именно поэтому мне сразу понравилось. В Итаке было что-то дикое. Что-то не до конца приручённое людьми.

Машина медленно спустилась по улице, окружённой клёнами. Ветер срывал листья с ветвей. Они кружились в воздухе, прилипали к мокрому асфальту и исчезали под колёсами. Дома выглядывали из-за деревьев. Большинство из них были старыми. С потемневшими крышами и широкими верандами. С окнами, в которых горел тёплый жёлтый свет. Будто весь город пытался спрятаться от дождя.

— Вот здесь, — сказала мама.

Я поднял голову. Дом оказался почти таким, каким я представлял студенческое жильё. Старый двухэтажный дом стоял чуть в стороне от дороги. Белые стены выглядели серыми под пасмурным небом. На крыше тихо барабанил дождь. Во дворе рос огромный клён. Его ветви тянулись над домом, словно защищая его от непогоды. Я смотрел на него дол-

ше, чем следовало. Странно. Это был просто дом, но именно здесь начиналась моя новая жизнь. От этой мысли внутри что-то сжалось.

Дверь открылась раньше, чем мы успели подойти. На крыльцо вышел парень лет двадцати. Высокий. Тёмные волосы были слегка влажными, словно он только что вышел из душа. Он засунул руки в карманы толстовки и посмотрел сначала на маму, потом на меня. Без особого интереса, без любопытства.

— Элиот? — спросил он.

— Да.

Он кивнул.

— Я Нейт.

И после короткой паузы добавил:

— Твоя комната наверху.

Вот и всё знакомство. Почему-то это сразу вызвало у меня симпатию. Нейт не задавал вопросов. Не пытался казаться дружелюбнее, чем был. Он посмотрел на чемоданы.

— Можете занести вещи. Комната готова.

Мама улыбнулась так, словно только что убедилась, что меня оставляют в надёжных руках.

Я поднял свой чемодан и вошёл в дом. Внутри пахло деревом, кофе и дождём, который жильцы занесли на одежде. Дом оказался намного уютнее, чем я ожидал. Моя комната находилась на втором этаже. Небольшая. Светлые стены, письменный стол у окна. Я поставил чемодан на пол и подо-

шёл к окну. За стеклом качались мокрые ветви клёна. Где-то вдали шумел ветер. Я вдруг понял, что это моя последняя ночь между двумя жизнями. Ещё не совсем свободен. Но уже не дома.

Вечером мама настояла на том, чтобы мы поужинали вместе. Мы сидели на кухне Нейта. Мэри задавала вопросы. Джон рассказывал истории с работы. Нейт больше слушал, чем говорил. Я почти не участвовал в разговоре, чувствовал себя странно. Словно наблюдал за собственной жизнью со стороны. Позже вечером Нейт поднялся к себе, а Джон вышел на веранду ответить на звонок. Мы с мамой остались на кухне вдвоём. За окном всё ещё шёл дождь. Жёлтый свет над столом делал комнату уютнее, чем она была на самом деле.

Мэри обвела взглядом кухню и улыбнулась.

— Мне здесь нравится.

— Ты же здесь не живёшь.

Улыбка слегка дрогнула.

— Элиот.

— Что?

Она вздохнула.

— Я просто рада за тебя.

Я посмотрел в окно. По стеклу медленно скользили капли дождя.

— Конечно.

— Что это значит?

— Ничего.

— Это звучало как "ничего".

Я пожал плечами. Мама несколько секунд молчала.

— Ты всё ещё злишься на меня из-за медицинского?

Я тихо усмехнулся.

— А должен был уже перестать?

— Я хочу для тебя лучшего.

Эту фразу я слышал столько раз, что мог произнести её раньше неё.

— Знаю.

— Правда, Элиот. Ты умный. У тебя есть способности. Через несколько лет ты поймёшь, что я была права.

Я опустил взгляд на кружку. Интересно, замечала ли она когда-нибудь, что все её аргументы всегда заканчивались тем, что права оказывается она.

— Возможно.

— Возможно?

— Кто знает. Может быть, через несколько лет я стану выдающимся хирургом и буду благодарить тебя за то, что ты решила мою жизнь за меня.

Мама нахмурилась.

— Я не решала твою жизнь.

— Конечно нет.

Она сразу поняла по моему голосу, что именно я имею в виду. Повисла тишина.

— Я люблю тебя, — тихо сказала мама.

Это было нечестно. Потому что после таких слов невоз-

можно продолжать злиться. Я провёл рукой по волосам и отвёл взгляд.

— Я знаю.

— И я горжусь тобой.

Я медленно кивнул.

— Спасибо.

Мэри улыбнулась. Наверное, решила, что разговор закончился хорошо. А может быть, ей просто хотелось в это верить. Она всегда хотела для меня лучшего. Проблема была только в том, что её «лучшее» и моё никогда не совпадали. Через несколько часов она уедет обратно в Рочестер. И впервые за всю мою жизнь между нами будет расстояние, которое нельзя преодолеть одним окриком из соседней комнаты. От этой мысли мне стало легче.

Я проснулся раньше будильника. Несколько секунд просто лежал, глядя в незнакомый потолок и пытаюсь понять, где нахожусь. Потом вспомнил. Итака. Новый дом. Новая жизнь. Я подошёл к окну и отодвинул занавеску. Мокрые ветви деревьев покачивались под ветром. Серое небо нависало над крышами домов. Где-то вдалеке туман стелился между холмами. Город выглядел так, будто ещё не проснулся. Я спустился вниз, запах кофе привёл меня на кухню. Мэри уже сидела за столом с кружкой в руках. Джон складывал что-то в дорожную сумку. При виде меня мама сразу улыбнулась. Слишком широко, так улыбаются люди, которые изо всех сил стараются не грустить.

— Доброе утро.

— Доброе.

— Как спалось?

— Нормально.

Она кивнула, наверное, ожидала большего ответа. Но за восемнадцать лет должна была привыкнуть. Несколько минут мы завтракали почти молча. Кофемашина тихо гудела на кухонной стойке. Дом поскрипывал от ветра. Наконец Джон посмотрел на часы.

— Нам пора.

В груди что-то неприятно дрогнуло. Я не хотел, чтобы они остались. Просто некоторые моменты выглядят иначе, пока не становятся реальностью. Мама поднялась первой.

— Ну. . .

Я уже знал этот тон. Тон прощания. Она подошла ко мне и крепко обняла. Слишком крепко.

— Звони мне.

— Хорошо.

— Нет, правда звони.

— Хорошо.

— Каждый день.

— Мам.

— Что?

— Я переехал в другой город. Не на Марс.

Джон тихо усмехнулся. Мама бросила на него недовольный взгляд.

— Просто береги себя, ладно? — сказала она.

На этот раз без нравоучений. И, к счастью, без разговоров о медицинском. Просто мама.

— Буду.

Она кивнула и наконец отпустила меня. Через несколько минут их машина скрылась за поворотом. Я ещё некоторое время стоял на крыльце. Красные задние огни исчезли среди деревьев. И наступила тишина, настоящая. Впервые за много лет рядом не было никого, кто знал бы меня всю жизнь. Странно. Я думал, что почувствую свободу, но вместо этого ощущалась пустота.

— Обычно это проходит через пару дней.

Я обернулся. Нейт стоял в дверях с кружкой кофе. На нём были серые спортивные штаны и тёмная толстовка. Выглядел он так, словно уже давно проснулся.

— Что проходит?

— Момент, когда понимаешь, что родители действительно уехали.

Я невольно усмехнулся.

— Ты эксперт?

— Два года назад выглядел примерно так же.

Он сделал глоток кофе.

— Заходи. На улице холодно.

Мы вернулись на кухню. Дождь продолжал стучать по окнам. Нейт устроился напротив меня. Несколько секунд он молчал.

— Ну что, первокурсник.

— Звучит как оскорбление.

— Немного так и есть.

Я впервые заметил намёк на улыбку.

— Медицинский?

— Да.

— А вот это уже точно оскорбление.

Я поднял бровь.

— Ты тоже там учишься.

— Именно поэтому и соболезнаю.

Я рассмеялся. Впервые с момента приезда. Нейт выглядел довольным собой.

— Третий курс, — сказал он. — Так что, если потеряешься в кампусе или решишь, что анатомия придумана дьяволом, можешь обращаться.

— Только анатомия?

— Нет. Ещё биохимия. И физиология. И примерно половина преподавателей.

— Обнадёживает.

— Зато город хороший.

— Пока не понял.

— Поймёшь.

Нейт откинулся на спинку стула.

— И така странная. Здесь либо влюбляешься в неё через месяц, либо ненавидишь до выпуска.

— А ты?

Он ненадолго задумался.

— Сначала ненавидел.

— А сейчас?

— Сейчас уже не представляю, где ещё хотел бы жить.

Я снова посмотрел в окно. Серое небо. Туман над холмами. Бесконечный дождь. Странно, но я начинал понимать, что он имеет в виду.

— Сегодня покажу тебе кампус, — сказал Нейт.

— Бесплатно?

— Пока да.

— Щедро.

— Не привыкай.

Я улыбнулся. И впервые с момента приезда Итака перестала казаться совсем чужой.

Форд Нейта выглядел так, будто пережил несколько поколений студентов. Тёмно-синий, местами выцветший, с небольшим пятном ржавчины над задним колесом и трещиной на приборной панели. Когда двигатель завёлся, машина издала звук, напоминающий усталый вздох.

— Не смотри так, — сказал Нейт, заметив мой взгляд. —

Она чувствует осуждение.

— Она?

— Конечно. Её зовут Бетти.

— Ты дал имя машине?

— Не все способны понять настоящую любовь.

Я покачал головой.

— Уже начинаю жалеть, что переехал сюда.

Нейт усмехнулся и выехал на дорогу. Город медленно проплывал за окном. Мокрые улицы, кофейни, книжные магазины. Старые кирпичные здания. Дождь наконец закончился, но небо оставалось серым. Словно кто-то забыл включить цвет.

— Так ты всегда хотел стать врачом? — неожиданно спросил Нейт.

Я рассмеялся. Настолько искренне, что он сразу всё понял.

— Плохой вопрос?

— Очень.

— Значит нет.

— Значит нет.

Некоторое время мы ехали молча.

— Тогда чего ты хотел?

Я смотрел в окно. На студентов, переходящих улицу. На велосипедистов. На мокрые витрины магазинов.

— Не знаю.

Это была ложь. Я знал. Просто редко говорил об этом вслух.

— Рисовать.

Нейт повернул голову.

— Что?

— Я рисую.

— Типа иногда рисуешь?

— Типа постоянно рисую.

Он присвистнул.

— Интересно.

— Не особо.

— Нет, правда интересно.

Я пожал плечами.

— Это просто хобби.

— Если бы это было просто хобби, ты бы сейчас так не смотрел в окно.

Я ничего не ответил. Потому что он оказался прав. Машина остановилась на красном светофоре. Нейт постучал пальцами по рулю.

— Семья знает?

— Конечно.

— И что думают?

— Думают, что художники не оплачивают ипотеку.

— А.

— Именно.

Светофор переключился. Мы поехали дальше.

— Родители помогают тебе деньгами? — спросил Нейт.

— Пока да.

— Тебя это напрягает?

Я усмехнулся.

— Немного.

— Почему?

Я задумался, но ответ был очевидным.

— Потому что, если берёшь деньги, получается, что должен.

— Не всегда.

— В моей семье всегда.

Нейт понимающе кивнул.

— Хочешь стать независимым?

— Хочу перестать чувствовать себя проектом.

Он некоторое время молчал.

— Тогда зарабатывай сам.

— Легко сказать.

— Ты художник.

— И что?

— В университете постоянно работают разные кружки и факультативы.

Я нахмурился.

— К чему ты клонишь?

— Ты мог бы вести занятия по рисованию.

Я чуть не рассмеялся.

— Нет.

— Почему?

— Потому что нет.

— Убедительно.

— Нейт, я не настолько хорош.

— Откуда знаешь?

— Просто знаю.

— Показывал кому-нибудь работы?

— Нет.

— Тогда откуда знаешь?

Я отвернулся к окну. Ненавидел этот вопрос. Потому что у меня не было ответа. Только уверенность. Глухая и привычная. Та, что появляется после многих лет чужих ожиданий.

— Поверь, это плохая идея.

— Если ты так говоришь.

Он не спорил. Но почему-то мне показалось, что разговор ещё не закончен.

Через десять минут мы подъехали к университету. Кампус оказался огромнее, чем я ожидал. Красивые старые здания поднимались среди деревьев. Студенты шли по дорожкам с рюкзаками и стаканами кофе. Повсюду слышались разговоры. Я почувствовал себя чужим. Нейт показал, где находится регистрация.

— Увидимся вечером.

— Если я не потеряюсь.

— Потеряешься.

— Спасибо за поддержку.

— Всегда пожалуйста.

Он уехал, а я остался один среди сотен незнакомых людей.

В регистрационном центре было шумно. Сотни голосов смешивались в один непрерывный гул. Повсюду стояли первокурсники с папками документов, рюкзаками и одинаково растерянными лицами. Я занял очередь к одному из столов

и стал ждать.

За столом сидела женщина лет пятидесяти в очках на тонкой цепочке. Её светлые волосы были собраны в аккуратный пучок, а движения выглядели настолько отработанными, словно она регистрировала студентов уже лет двадцать подряд. Когда подошла моя очередь, она улыбнулась. Не дежурно. По-настоящему.

— Доброе утро. Имя?

— Элиот Хоторн.

Она быстро нашла что-то в компьютере.

— Рочестер, верно?

Я удивлённо посмотрел на неё.

— Да.

— Я узнаю этот взгляд.

— Какой именно?

— Взгляд человека, который ещё не понял, совершил лучшую ошибку в своей жизни или худшую.

Я невольно усмехнулся. Женщина довольно кивнула.

— Вот видите. Обычно студенты либо смеются, либо смотрят на меня так, будто хотят перевестись обратно домой.

— Пока не решил.

— Это честный ответ.

Она напечатала несколько строк и протянула мне пластиковую карточку.

— Ваш студенческий билет. Постарайтесь не потерять его в первую же неделю.

— Это распространённая проблема?

— Намного чаще, чем хотелось бы.

Я убрал карточку в карман. Миссис Беннет продолжила просматривать мои документы.

— Медицинский факультет.

Почему-то именно эти слова снова вызвали неприятное ощущение. Словно кто-то напомнил мне о чужой мечте.

— Да.

Она подняла взгляд.

— Не слишком счастливый тон для будущего врача.

Я помедлил.

— Наверное, просто устал после переезда.

Женщина посмотрела на меня чуть внимательнее. Мне показалось, что она поняла больше, чем я хотел показать.

— Позвольте дать совет, Элиот.

— Хорошо.

— Не пытайтесь решить всю свою жизнь в первый семестр.

Я моргнул.

— Что?

— Каждый год приезжают студенты, уверенные, что обязаны немедленно понять своё предназначение. Через месяц половина из них в панике.

Она улыбнулась.

— Вам восемнадцать. У вас есть время.

Если бы моя мама услышала это, её, наверное, хватил бы

удар.

— Спасибо.

— И ещё.

Она достала из стопки буклетов один листок.

— В университете много художественных кружков.

Я удивлённо посмотрел на неё.

— Почему именно художественных?

— Потому что в анкете абитуриента вы указали рисование как главное увлечение.

Чёрт. Я совсем забыл про ту анкету.

— Иногда полезно заниматься чем-то кроме учёбы.

— Даже будущим врачам?

— Особенно будущим врачам.

Я взял буклет, сложил пополам и убрал в рюкзак, даже не читая.

Женщина заметила это.

— Не собираетесь смотреть?

— Скорее всего нет.

— Тогда сохраните хотя бы на случай, если передумаете.

Я пожал плечами.

— Посмотрим.

Она поставила последнюю отметку в документах и протянула мне расписание.

— Добро пожаловать в Итаку, штат Нью-Йорк Элиот.

Я взял бумаги.

— Спасибо.

— И ещё кое-что.

Я остановился.

— Да?

— Постарайтесь всё-таки с кем-нибудь познакомиться сегодня.

Я посмотрел на шумный зал за её спиной. На десятки незнакомых лиц. На группы студентов, которые уже смеялись вместе так, словно знали друг друга много лет.

— Не обещаю.

Женщина рассмеялась.

— Почему-то именно такой ответ я и ожидала.

Когда я вышел из-за стола, её улыбка всё ещё оставалась у меня в памяти. Странно. Она знала меня меньше пяти минут. И всё же оказалась ближе к пониманию того, кто я такой, чем многие люди за последние несколько лет.

У входа в лекционный корпус былолюдно. Студенты стояли группами, смеялись, спорили о расписании, кофе и преподавателях, которых я ещё даже не видел. Я прошёл внутрь и сел ближе к середине аудитории. Не слишком впереди. Так, чтобы можно было исчезнуть среди людей, если вдруг понадобится.

Первая лекция была по биологии. Преподаватель говорил быстро, уверенно, будто мы уже должны знать всё, о чём он рассказывает. Слайды сменялись один за другим, и к середине занятия я поймал себя на том, что просто смотрю на экран, не успевая за смыслом.

Рядом кто-то шептался.

— Ты понял, что он сказал?

— Вообще нет.

— Отлично, я думал, это только я.

Я не вмешался в разговор. Просто сделал вид, что записываю. Хотя на самом деле просто выводил на листе линии. Почти автоматически.

Вторая пара была химия. Здесь было хуже. Преподаватель говорил ещё быстрее. Формулы на доске появлялись одна за другой, как будто кто-то пытался за минуту уместить целый год. Я смотрел на них и чувствовал странное раздражение. Не из-за сложности. Из-за того, что это всё казалось слишком... правильным. Словно жизнь можно разложить на формулы, реакции и предсказуемые результаты.

— Это будет в экзамене, — сказал преподаватель, не поднимая глаз.

Кто-то вздохнул. Кто-то тихо выругался. Я тоже вздохнул. Только внутри.

На перемене я вышел в коридор. Студенты стояли у стен, листали телефоны, ели что-то из бумажных пакетов, смеялись.

Один парень попытался завязать разговор:

— Ты тоже с биофака?

Я посмотрел на него.

— Да.

— Круто. Я Майкл.

Пауза. Я кивнул.

— Элиот.

Он улыбнулся так, будто сейчас начнётся дружба.

— Откуда ты?

— Рочестер.

— О, серьёзно? Я там был пару раз.

— Понятно.

Ещё одна пауза. Он ждал продолжения. Но я не продолжил.

— Ну, увидимся ещё.

— Возможно.

И он ушёл. Я остался стоять у стены. Следующая пара была анатомия. Самая худшая. В аудитории пахло дезинфекцией и чем-то металлическим. Преподаватель включил презентацию с изображениями костей и мышц, и говорил о теле так, будто это не человек, а схема. Я поймал себя на мысли, что раньше рисовал это иначе. Не правильно. Но живее. И впервые за день почувствовал раздражение сильнее обычного.

После пары я вышел одним из последних. Снаружи шёл мелкий дождь. Я стоял под навесом, наблюдая, как студенты расходятся по кампусу маленькими группами. Все куда-то шли. Все с кем-то. Я — нет.

Нейт должен был забрать меня после занятий. Он сам так сказал утром: «Встретимся, подкину домой». Я стоял у входа и время от времени проверял телефон. Сообщений не было.

Я ждал ещё десять минут. Но Нейт не приехал. Привычное спокойное разочарование, как будто мир просто подтвердил правило: не стоит рассчитывать на то, что тебе пообещали.

Я сунул руки в карманы и пошёл пешком. Итака выглядела иначе, когда идёшь по ней один. Не как университетский город. Скорее как место, которое живёт своей жизнью и не замечает тебя. Мокрый асфальт отражал свет витрин. Люди заходили и выходили из магазинов, не задерживая взгляда. Деревья вдоль улиц качались под ветром, и листья прилипали к тротуару, как будто тоже устали двигаться.

Я не сразу понял, когда свернул к кофейне. Просто заметил тёплый свет внутри и решил зайти. Кофейня была небольшой. Деревянные столы, старые лампы. Запах кофе, который будто держал всё помещение в равновесии.

Я взял напиток и сел у окна. На стекле медленно стекали капли дождя.

— Ты выглядишь так, будто выбираешь между сном и бегством, — сказал голос рядом.

Я поднял взгляд. Парень за соседним столиком держал в руках стакан и смотрел на меня без особого интереса, но и без равнодушия.

— Просто устал, — ответил я.

Он усмехнулся.

— В Итаке это почти диагноз.

Я чуть заметно кивнул.

— Ты здесь учишься?

— Нет, — он покачал головой. — Я больше зависаю. Работую иногда в музыкальном магазине. Играю на басу.

— Бас-гитара?

— Ага.

Он сделал глоток кофе.

— В городе либо ты студент, либо ты пытаешься не стать студентом.

— И что лучше?

Он задумался.

— Оба варианта одинаково сомнительные.

Я усмехнулся. Он заметил это.

— Ты не отсюда.

— Да.

— Первокурсник?

— Медицинский.

— Сочувствую.

— Уже слышал сегодня.

Он кивнул.

— Логично.

Некоторое время мы молчали. Снаружи дождь усилился.

— А ты чем занимаешься, кроме баса? — спросил я.

Он посмотрел в окно.

— Рисую.

Я повернул голову.

— Правда?

— Иногда.

Он пожал плечами.

— Но это ничего серьёзного.

— Почему?

Он усмехнулся так, будто вопрос был наивным.

— Потому что искусство не кормит.

Я посмотрел на его руки. На пальцы, которые слегка постукивали по стакану, будто отрабатывали невидимый ритм.

— Ты в это не веришь? — спросил я.

— В живопись? — он покачал головой. — Нет. Это просто способ убить время.

Я не ответил. Потому что эта фраза задела сильнее, чем должна была.

— А ты? — спросил он.

Я пожал плечами.

— Я пытаюсь понять, что рисование — это не просто способ убить время.

Он посмотрел на меня чуть внимательнее. Но спорить не стал.

— Тогда тебе повезло больше, чем мне.

Я допил кофе и поставил стакан на стол.

— Может быть.

Когда я вышел из кофейни, дождь почти прекратился. Город выглядел чище. Холоднее.

Я достал телефон. На экране было сообщение от Мэри.

«Как первый день? Ты поел?»

Я долго смотрел на экран. Потом набрал ответ.

«Нормально. Да.»

Разговоры всегда заканчиваются одинаково.

На выходе из улицы я свернул к дому. И только тогда понял, что что-то изменилось. Перед домом стояли три машины. Чужие. Одна из них была слишком дорогой для этого района. Я остановился на секунду. Потом медленно пошёл дальше. Итака снова стала ощущаться иначе. Как будто день ещё не закончился. Просто перешёл в следующую главу.

Когда я подошёл к дому, музыка уже была слышна с улицы — глухая, вибрирующая, будто сам воздух вокруг дома был наполнен чужим ритмом, и чем ближе я подходил к двери, тем сильнее становилось ощущение, что я возвращаюсь не туда, где живу, а в место, которое на время заняли другие люди.

Я открыл дверь, и шум буквально ударил в лицо: смех, голоса, музыка, стеклянный звон бутылок, и всё это сливалось в одно тяжёлое, живое движение, в котором не было ни одного спокойного угла.

В гостиной было четверо человек, может больше — я не сразу понял, потому что они постоянно двигались: кто-то сидел на полу, кто-то на диване, кто-то стоял у стола, и все они говорили одновременно, словно пытались перекрычать не только музыку, но и сам дом. Запах пива и мокрой одежды смешивался с чем-то сладким и приторным, и от этого становилось только более чуждо, как будто воздух здесь больше не принадлежал обычному вечеру.

Нейт заметил меня почти сразу. Он стоял у кухни, опираясь на столешницу, и на секунду просто посмотрел в мою сторону, как будто проверяя, действительно ли я здесь, а потом взял бутылку и подошёл ближе.

— Возьми, — сказал он спокойно, протягивая её мне так, будто это было чем-то очевидным.

Я посмотрел на бутылку, потом на него.

— Нет, спасибо.

Он чуть усмехнулся, но без настоящего тепла.

— Расслабься. Просто вечер.

— Я не пью.

На мгновение между нами повисла пауза, которая почти терялась в общем шуме, но для меня она почему-то была слишком заметной.

— Сегодня можно, — сказал он мягче, но настойчиво.

— Сегодня — нет, — ответил я.

Он пожал плечами, словно принял это как странную особенность, но не как границу, которую стоит уважать.

— Ты всегда такой?

— Какой?

— Закрытый.

Я не ответил сразу, потому что не знал, как объяснить, что дело не в закрытости, а в том, что я просто не чувствую себя здесь частью этого шума.

— Я просто не хочу, — сказал я наконец.

Он кивнул, но взгляд у него стал чуть холоднее, как будто

что-то между нами сдвинулось, хоть и почти незаметно.

Я поднялся наверх, и уже на лестнице шум стал глуше, но не исчез — он просто теперь жил в стенах дома, в полу, в дверях, в каждой щели, из которой просачивались чужие голоса. Ночь не становилась тише. Она просто меняла форму. Иногда смех резко обрывался, иногда вспыхивал снова, кто-то хлопал дверью, кто-то спорил, и казалось, что дом постепенно теряет границы между комнатами и людьми внутри него.

Позднее я услышал звук, который выбивался из всего этого — резкий, тяжёлый, как падение чего-то стеклянного или металлического, а затем голос, уже не весёлый, а раздражённый, и через несколько секунд — короткая, неровная вспышка драки, после которой всё оборвалось так же внезапно, как началось.

И снова осталась тишина. Но она была неправильной. Слишком плотной, слишком тяжёлой, будто дом просто затаил дыхание. Я лежал в темноте и смотрел в потолок, слушая, как где-то внизу медленно остывает чужая ночь, и впервые за всё время ясно понял, что всё оказалось гораздо сложнее, чем я себе представлял, потому что этот дом не был временной остановкой — он был частью той же хаотичной реальности, от которой я думал, что уехал. И тогда во мне появилась чёткая, почти холодная мысль: я не хочу оставаться здесь надолго. Мне нужно заработать деньги и уйти. Как можно скорее.

Я вспомнил разговор о рисовании, о кружке при университете, и на секунду внутри что-то слабо ожило, как свет, который ещё не успел погаснуть, но теперь я уже не был уверен, что могу доверять это Нейту. Слишком много шума. Слишком мало контроля.

И тогда я вспомнил парня из кофейни. Его голос, спокойный и немного уставший, как будто он уже давно принял этот город таким, какой он есть. Я не знал его имени. Не знал, где его искать. Только одно место. Кофейню. И этого было достаточно, чтобы на следующий день я решил вернуться туда снова.

Перед тем как лечь, я долго лежал в темноте, слушая, как дом постепенно затихает после ночного хаоса, и в какой-то момент понял, что тишина здесь не приходит сразу — она как будто сначала осторожно проверяет, можно ли ей вообще войти.

Я взял телефон. Палец завис над контактом двоюродной сестры.

Кейтлин.

Мы не разговаривали нормально уже довольно давно, не потому что поссорились, а просто потому, что жизнь у неё двигалась в сторону, в которой для меня оставалось всё меньше места: работа, планы, её новый жених — Эндрю Коллинз, о котором мама говорила с одобрением, будто он уже стал частью семьи.

Я всё-таки нажал вызов.

Гудки тянулись долго, и я уже почти решил, что она не ответит, но потом раздался её голос — немного усталый, но привычно тёплый.

— Элиот? Всё в порядке?

Фон у неё был живой: какие-то голоса, тихий смех, музыка на заднем плане.

— Да, — сказал я после паузы. — Просто... решил позвонить.

— Ты сейчас в Итаке, да?

— Да.

Она на секунду замолчала, как будто мысленно отметила это где-то между делами.

— Ну как тебе? Университет? Общежитие?

Я посмотрел в потолок, который в темноте казался почти серым.

— Нормально, — ответил я. — Просто... много всего.

— В смысле?

Я мог бы рассказать. Про дом. Про Нейта. Про шум, драку, чужих людей, которые заполняют пространство быстрее, чем ты успеваешь к нему привыкнуть. Но я уже слышал по её голосу, что она где-то далеко — не только физически, но и по вниманию.

— Ничего важного, — сказал я вместо этого.

— Понятно, — она мягко вздохнула, и в этом вздохе было что-то занятое, почти рассеянное. — Слушай, Эндрю сейчас зовёт, мы как раз обсуждаем свадьбу... ты же понимаешь,

да?

Я понял.

— Да, конечно.

— Ты справишься там, хорошо? Просто учись и не зацикливайся. Всё будет нормально.

Её слова звучали правильно. Как то, что нужно сказать в такой ситуации. Но не как то, что действительно касается тебя.

— Ага, — ответил я. — Хорошо.

— Ладно, я потом сама позвоню. Береги себя.

— И ты.

Она уже отключилась, не заметив паузы в моём голосе.

Я ещё некоторое время держал телефон в руке, пока экран не погас, и в темноте комнаты стало ещё тише. Потом я просто лежал, глядя в потолок, пытаюсь уснуть, но сон не приходил, как будто город за окном продолжал жить внутри дома, даже когда всё уже затихло.

В какой-то момент я поднялся, достал блокнот и сел на край кровати. Рука двигалась почти автоматически. Я не думал о композиции или деталях — просто рисовал Итаку такой, какой видел её сегодня: мокрые улицы, тёмные деревья, свет кофейни, силуэты студентов, растворяющиеся в сером воздухе, и дом, в котором я сейчас находился, как точку, не принадлежащую ни к чему. Линии ложились спокойно, одна за другой, и постепенно внутри становилось тише, как будто рисунок забирал в себя всё, что не давало заснуть.

Когда я закончил, я даже не убрал блокнот. Просто положил его рядом и снова лёг. И на этот раз сон пришёл почти сразу, как будто город, который я только что нарисовал, наконец отпустил меня хотя бы на несколько часов.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ПРИВЫЧКА

«Какая польза человеку, если он приобретёт весь мир, а душе своей повредит?»

— *Евангелие от Марка 8:36*

Утро пришло тихо, но это была не та тишина, которая успокаивает, а скорее та, что просто временно скрывает то, что происходило ночью. Я ещё не успел окончательно проснуться, когда дверь в комнату приоткрылась, и в проёме появился Нейт. Он выглядел так, будто не спал вовсе: помятый, с тяжёлым взглядом, в котором было что-то между усталостью и раздражением на самого себя, и на секунду мне даже показалось, что он постарел за одну ночь.

— Ты уже не спишь? — спросил он, хотя ответ был очевиден.

— Теперь уже нет.

Он вошёл внутрь, но не закрыл дверь сразу, будто не был уверен, имеет ли он право здесь задерживаться.

— Слушай... про вчера, — начал он после паузы, опуская взгляд. — Это выглядело хуже, чем было на самом деле.

Я ничего не ответил, просто сел на кровати, наблюдая за ним. Нейт провёл рукой по лицу, задержался пальцами на переносице, как будто пытался собрать мысли в одну линию.

— Иногда у меня такое ощущение, что я зарабатываю слишком много для человека, который всё ещё не понял, как с этим жить, — сказал он тише. — Как будто деньги перестают быть чем-то нейтральным и начинают менять то, что вокруг тебя происходит.

Я посмотрел на него внимательнее.

— И как ты их зарабатываешь?

Он сразу не ответил. И в этой паузе было больше смысла, чем в словах.

— Это не то, о чём я хочу говорить сейчас, — сказал он наконец.

— Тогда зачем ты вообще начал?

Нейт слегка усмехнулся, но без привычной уверенности.

— Потому что хотел объяснить, что я не... такой.

— Какой?

Он поднял на меня взгляд, и в нём впервые за всё время появилось что-то почти уязвимое.

— Как вчера. Потерянный.

Я медленно кивнул.

— Вчера был не случайный вечер, Нейт. Это был твой дом.

Он на секунду замолчал, потом кивнул так, будто эта фраза задела сильнее, чем он ожидал.

— Да, — признал он. — Я знаю.

Тишина повисла плотнее, чем шум прошлого вечера, хотя сейчас не было ни музыки, ни людей, ни бутылок — только

утро и два человека, которые вдруг слишком ясно увидели, что между ними нет понимания, которое казалось очевидным ещё вчера.

— Вчера был только алкоголь? — спросил я наконец.

Нейт медленно выдохнул, словно выбирая ответ не по правде, а по тому, насколько он разрушит то, что ещё можно сохранить.

— Да, — сказал он. — Только алкоголь.

Я отвёл взгляд к окну.

— У меня был дядя, — сказал я после паузы. — Он всегда говорил то же самое. Что это просто способ расслабиться, что он всё контролирует. Он умер, так и не признав, что контроля не было.

Нейт не перебил. И даже не пытался спорить. Это было важнее любого ответа.

— Я не хочу, чтобы это повторялось здесь, — добавил я тише.

— Не повторится, — сказал он сразу, но потом добавил уже менее уверенно: — Я постараюсь.

Я посмотрел на него.

— “Постараюсь” — это не очень надёжно звучит.

Он кивнул, принимая удар.

— Тогда скажи, что тебе нужно, чтобы ты мне поверил.

Я помолчал. Потому что правильного ответа не было.

— Мне не нужно, чтобы ты был идеальным, — сказал я наконец. — Мне нужно, чтобы ты был предсказуемым.

Эта фраза повисла в комнате тяжелее остальных. Нейт медленно кивнул.

— Я понял.

Он сделал паузу и, будто пытаясь вернуть разговор к чему-то более живому, добавил:

— Сегодня вечером моя девушка будет дома. Я хотел, чтобы вы познакомились.

Я поднял взгляд.

— Зачем?

— Потому что... она лучше объяснит тебе, кто я. Или каким я бываю, когда не всё идёт вниз.

Я чуть нахмурился.

— Ты сам не можешь?

Он усмехнулся.

— Похоже, нет.

И в этой улыбке не было защиты, только признание.

Я встал, взял сумку, будто разговор уже закончился.

— Ладно.

— Ладно? — переспросил он.

— Ладно, — повторил я спокойнее, чем чувствовал.

Нейт кивнул, но не выглядел уверенным, что это “ладно” означает то же самое для нас обоих.

Я вышел из комнаты, не оглядываясь, и только на улице понял, что впервые за всё время в этом доме я не чувствую ни дома, ни безопасности — только временность, которая начинает становиться слишком заметной, чтобы её игнори-

ровать.

Когда я вышел из дома, воздух показался мне холоднее, чем обычно, хотя, возможно, дело было не в погоде, а в том, что после разговора с Нейтом всё вокруг стало восприниматься иначе — более ясно, более резко, без привычной иллюзии стабильности. Я шёл в сторону университета, смешиваясь с потоком студентов, и впервые за последние дни у меня было чёткое ощущение, что путь к свободе, о которой я думал с момента отъезда из Рочестера, не будет ни быстрым, ни простым, и что между мной и этой свободой лежит гораздо больше шагов, чем я себе представлял.

Телефон зазвонил, когда я проходил мимо небольшой кофейни на углу улицы. Имя на экране было знакомым. Джон. Я остановился, на секунду не зная, стоит ли отвечать, но всё-таки принял вызов.

— Элиот, — голос отчима звучал спокойно, почти буднично, как будто он звонил не с чем-то важным, а просто уточнить мелочь. — Ты сейчас занят?

— Иду в университет.

— Хорошо, не задержу.

Я продолжал идти, прижимая телефон к уху.

— Я решил один вопрос, о котором мы говорили.

Я нахмурился.

— Какой именно?

На другом конце линии он чуть помолчал, и я почти видел его привычное спокойное выражение лица, как будто он

всегда сначала взвешивает, а потом говорит.

— Машина, — сказал он наконец.

Я остановился.

— Какая машина?

— Я купил тебе автомобиль.

Я даже не сразу нашёл, что ответить.

— Джон... нет. Я не просил.

— Я знаю.

Он сказал это слишком просто, без оправданий и без попытки убедить.

— Но я видел, что ты будешь тянуть. Будешь откладывать. А потом снова окажется, что ты зависишь от обстоятельств, от Нейта, от автобусов, от всего, кроме себя.

Я сжал телефон крепче.

— Это не значит, что нужно покупать машину.

— Уже поздно обсуждать, — спокойно ответил он. — Это подержанный Chevrolet, седан. Ничего особенного, но он на ходу. Адрес я пришлю сообщением.

Я медленно выдохнул.

— Ты серьёзно?

— Абсолютно.

В его голосе не было давления. Только уверенность человека, который уже принял решение и не собирается его пересматривать. Я посмотрел на дорогу перед собой, на людей, которые проходили мимо, не замечая меня.

— Почему?

— Потому что я знаю, как ты живёшь, когда тебе не дают опоры, — сказал он тише. — И я не хочу, чтобы ты зависел от чужих решений, если у тебя есть шанс этого избежать.

Я закрыл глаза на секунду.

— Я не могу это просто принять.

— Можешь, — спокойно ответил Джон. — Потому что это уже случилось.

Пауза между нами стала длиннее. Я должен был отказаться. Должен был вернуть контроль. Но вместо этого я вдруг понял, что у меня действительно нет дома, к которому я мог бы вернуться, нет пространства, где я мог бы сказать «нет» и при этом не потерять всё остальное.

— Хорошо, — сказал я наконец.

Слово прозвучало тише, чем я ожидал.

— Спасибо, — добавил я после паузы, хотя сам не был уверен, за что именно благодарю.

— Не за что, — ответил он просто. — Заберёшь её после занятий.

— Ладно.

Я отключился и несколько секунд просто стоял посреди улицы, глядя на экран телефона, пока он не погас. Потом убрал его в карман и продолжил идти в университет, но теперь каждый шаг ощущался иначе, потому что в моей жизни появилась вещь, которую я не планировал, не выбирал и которую уже нельзя было просто игнорировать.

День в университете прошёл на удивление спокойно, и в

какой-то момент я даже поймал себя на мысли, что ожидал от него чего-то худшего, хотя пока всё сводилось к лекциям, новым коридорам и попыткам не выглядеть потерянными среди людей, которые уже начали чувствовать себя здесь как дома.

Латынь оказалась неожиданно приятной. Не потому, что была лёгкой — наоборот, она требовала внимания, но в ней была какая-то ясность, почти математическая логика, и впервые за долгое время я слушал преподавателя не из обязанности, а потому что мне действительно хотелось понимать, как язык может быть настолько строгим и при этом живым в своей структуре.

После пары я вышел с ощущением редкого спокойствия, которое быстро растворилось, когда началась гистология. Аудитория была ярко освещена, на экране сменялись изображения тканей и клеток, и преподаватель говорил о человеческом теле с такой точностью, будто разбирал механизм, а не живую систему, и именно в этот момент я заметил его. Томас Риверс.

Я узнал его сразу, хотя с тех пор прошло несколько лет. Тогда он был просто тем, кто любил превращать чужую жизнь в повод для шуток, и, судя по выражению лица, за это время ничего особенно не изменилось. Он сидел через несколько рядов и, заметив меня, чуть приподнял брови, словно встреча была для него не неожиданностью, а скорее забавным совпадением.

После пары он догнал меня в коридоре.

— Хоторн, — протянул он с улыбкой, в которой не было ни капли тепла. — Не ожидал тебя здесь увидеть.

Я продолжал идти, не замедляя шага.

— А я тебя — тоже.

Он усмехнулся.

— Ну да, ты же теперь будущий врач. Или как это у вас называется.

Я не ответил сразу.

— Слышал, твой отчим всё ещё пытается играть в серьёзного человека, — продолжил он. — А мой отец до сих пор думает, что он у него что-то выиграл в той истории с контрактами.

Я посмотрел на него.

— Ты пришёл сюда учиться или продолжить семейные конфликты?

Он сделал вид, что задумался.

— Зависит от того, что интереснее.

Его взгляд скользнул по мне, задержался на секунду дольше, чем нужно.

— Ты всё ещё рисуешь? Или теперь только внутренние органы изучаешь?

— А ты всё ещё говоришь больше, чем думаешь?

Улыбка у него стала шире.

— Смотри-ка, не только анатомия тебе даётся.

Напряжение в разговоре росло медленно, но уверенно,

как что-то, что не собирается заканчиваться само по себе.

— Ты мольберт с собой привёз? — добавил он, чуть наклонив голову. — Или теперь рисуешь схемы человеческих костей вместо людей?

Я уже собирался ответить, но голос сбоку вмешался раньше.

— Он, вообще-то, только первый день пытается выжить, а ты уже скучаешь по своим школьным привычкам?

Я повернулся. Парень из кофейни стоял рядом, спокойно, с тем самым выражением, будто он не собирается участвовать в конфликте, но и не собирается позволять ему развиваться. Бас-гитарист. Теперь у него появилось имя, хотя я его ещё не знал.

— А ты кто? — Томас прищурился.

— Тот, кто не любит, когда шумят не по делу, — ответил он спокойно.

Пауза стала заметной. Томас усмехнулся, но уже менее уверенно.

— Ладно, Хоторн, увидимся ещё.

Он развернулся и ушёл, не дожидаясь ответа. Мы с парнем из кофейни остались вдвоём в коридоре, где шум университета снова стал обычным фоном.

— Не самый дружелюбный тип, — сказал он.

— Ты его знаешь?

— В таких местах все кого-то знают.

Он посмотрел на меня чуть внимательнее.

— Я Лиам, кстати.

Имя прозвучало просто, без лишнего веса, как будто он не придавал ему особого значения.

— Элиот.

— Я знаю.

Он усмехнулся.

— Ты сегодня выглядел так же, как и вчера в кофейне. Только менее потерянно.

— Это прогресс?

— Возможно.

Мы вышли из корпуса вместе.

Снаружи кампус жил своей обычной жизнью: студенты сидели на траве, кто-то пил кофе, кто-то спорил о чём-то, что казалось им важнее всего на свете. Мы пошли по дорожке между деревьями, и впервые за день я почувствовал, что пространство вокруг перестало давить, потому что рядом был кто-то, кто не требовал объяснений и не пытался заполнить тишину лишними словами. Кампус постепенно растворялся в мягком, сером свете дня, и мы шли по дорожке между деревьями так, будто шум университета остался где-то позади, за пределом воздуха, который теперь казался тише и плотнее.

Лиам шёл рядом спокойно, с той естественной уверенностью, которая не требовала внимания к себе, и именно поэтому она привлекала сильнее, чем громкие жесты других людей.

— Ты же не студент, — сказал я наконец, когда тишина между нами стала почти естественной. — И всё равно постоянно здесь.

Он чуть усмехнулся, не сразу отвечая.

— Я здесь чаще, чем многие студенты, — сказал он спокойно. — Они приходят, потому что “надо”. Я — потому что иначе город становится слишком тихим.

— И это твоя работа? Просто появляться там, где шумнее?

— Скорее создавать этот шум, — он посмотрел вперёд. — Музыка, выступления... университет просто удобная сцена.

Я кивнул, немного помолчав.

— А медицина тебе не кажется... другим шумом? — спросил он вдруг. — Таким, который внутри головы не выключается.

Я усмехнулся, почти незаметно.

— Она не шум. Она скорее... навязанная тишина. В ней всё разложено по полкам, даже если ты не согласен.

Лиам посмотрел на меня чуть внимательнее.

— И ты в этом живёшь?

— Пока да.

Пауза, между нами, не стала неловкой. Она просто появилась, как часть разговора, который не обязан быть быстрым.

Пока мы шли, телефон в кармане завибрировал.

Нейт. Я остановился на секунду, глядя на экран.

“Сегодня вечером жду тебя дома. Познакомишься с моей

девушкой. ”

Я не ответил сразу.

Слова выглядели обычными, но за ними снова всплыло ощущение дома, который слишком быстро перестал быть домом.

— Снова туда? — спросил Лиам спокойно, не глядя на телефон, но будто уже знал ответ.

— Не сегодня, — сказал я после паузы.

Он кивнул так, будто этого было достаточно.

Мы свернули к скамейке во внутреннем дворе, где ветер двигал листья по асфальту, и мир на секунду стал почти неподвижным.

— Ты всегда так смотришь на всё, будто выбираешь между тем, что “правильно”, и тем, что “не твоё”? — спросил он наконец.

Я посмотрел на него.

— Я уже выбрал “правильно” однажды.

Лиам усмехнулся, но без насмешки.

— И теперь пытаешься понять, где в этом всё́м ты сам.

Я не ответил. Потому что он попал слишком близко.

— А ты? — спросил он после паузы. — Ты же рисуешь, да?

Я чуть напрягся, но кивнул.

— Рисую.

— Тогда ты не совсем здесь.

— В смысле?

— Люди, которые рисуют, обычно смотрят на мир так, будто он может быть другим, — сказал он спокойно. — А те, кто живёт только по плану... просто принимают его как есть.

Я отвёл взгляд.

— Это звучит лучше, чем есть на самом деле.

— Возможно.

Он не спорил.

И это было странно честно. Телефон снова завибрировал.

“Адрес. Машина ждёт тебя.”

— Пойдём, — сказал Лиам, поднимаясь. — Я отвезу тебя.

— Куда?

— К твоей свободе, наверное.

Он сказал это почти легко, но в этой лёгкости было что-то странное, как будто он не верил в слово “свобода”, но знал, как оно звучит в чужой жизни.

Мы ехали молча. Город за окном машины казался размытым, как старые фотографии, и когда мы свернули на нужную улицу, я впервые увидел его — старый Chevrolet, стоящий у обочины, тёмный, немного уставший, как и всё, что в этом городе почему-то начинало принадлежать мне.

И в этот момент мне показалось, что Итака больше не просто место. Она становится состоянием.

Chevrolet выглядел так, будто он прожил уже несколько жизней до того, как попал ко мне: тёмно-зеленый кузов с выцветшей краской на крыше, лёгкие следы ржавчины у арок колёс, немного уставшие фары и салон с той простотой, в

которой нет попытки казаться чем-то большим, чем он есть. Это была не машина из мечты, а машина из реальности — немного шумная, с характером, который чувствуется уже при первом прикосновении к рулю.

— Ну что, проверим, как она едет? — спросил Лиам, опираясь на капот.

Я посмотрел на него.

— Ты предлагаешь мне тест-драйв без страховки и понимания, что это вообще за машина?

Он усмехнулся.

— Ты уже в ней стоишь. Поздно сомневаться.

Я сел за руль. Сначала медленно, почти осторожно, как будто машина могла обидеться на резкое движение, но уже через несколько минут дорога за городом начала раскрываться передо мной — пустая, длинная, с редкими поворотами и серым небом, которое казалось ниже, чем обычно.

Лиам сидел рядом, молча наблюдая, не вмешиваясь, и это молчание почему-то не давило, а наоборот давало пространство.

Я нажал на газ. Машина откликнулась не идеально, но честно — без лишней мягкости, с лёгкой вибрацией руля и звуком мотора, который не пытался скрыть свой возраст. И чем быстрее мы ехали, тем тише становилось внутри. Я не сразу понял, о чём думаю.

Сначала — мама. Как она говорила о будущем так, будто оно уже было расписано и просто ждало, когда я в него вой-

ду. Потом — последние дни в Рочестере, как будто они были не так давно, хотя уже казались чужими, почти чужой жизнью. Потом — Итака, её серые улицы, университет, лекции, которые ещё не успели стать привычкой.

И наконец — Нейт. Дом, который перестал быть домом, и утро, которое слишком быстро стало напоминать, что доверие здесь не работает так, как я привык думать.

Я сильнее нажал на газ. Дорога впереди стала просто линией, без смысла и границ, и на секунду появилось странное чувство свободы, не радостной, а скорее пустой, как будто всё лишнее просто осталось позади.

— Не думал, что ты так водишь, — сказал Лиам спустя некоторое время, не отводя взгляда от дороги.

— Я тоже, — ответил я честно.

Мы немного покатались по пустым дорогам за городом, пока серый свет не начал медленно темнеть, и только тогда я отпустил газ, возвращаясь к нормальной скорости, будто вместе с ней возвращался и сам в реальность.

Когда мы въехали обратно в город, Лиам молчал какое-то время, а потом, словно между делом, сказал:

— Сегодня вечером у меня концерт.

Я посмотрел на него.

— Концерт?

— Небольшой театр в центре. Не что-то громкое, но туда приходят люди из университета, иногда даже декан факультета искусств.

Он говорил спокойно, как будто это не было чем-то значительным, но я уловил за этим другое — возможность, которую он не произносил вслух.

— Там будут те, кто реально занимается искусством, — добавил он. — Если ты думаешь про свой кружок... это может быть шанс, чтобы тебя вообще услышали.

Я помолчал. Идея кружка снова всплыла где-то на фоне мыслей, но теперь она не была главной причиной. Главной причиной было другое. Я не хотел возвращаться домой.

— Ладно, — сказал я наконец.

Лиам посмотрел на меня чуть внимательнее.

— Из-за кружка?

Я посмотрел на дорогу.

— Нет.

— Тогда зачем?

Я не сразу ответил.

— Просто не хочу быть там сегодня.

Он кивнул, не задавая больше вопросов. И этого было достаточно.

Театр оказался небольшим, почти камерным, с тёмным фасадом и тяжёлыми дверьми, которые закрылись за нами с мягким звуком, будто отделяя один мир от другого, и внутри сразу стало тише, теплее и как-то глубже, словно само пространство здесь было создано не для шума, а для внимания.

Мы вошли в зал, где уже шла репетиция, и я сел чуть в стороне, не пытаясь искать идеальное место, потому что в

таких пространствах, как мне показалось, идеальных мест не существует — есть только разные углы наблюдения.

Сцена была полутёмной, свет падал мягко, не вырывая детали, а скорее намечая их, и люди на ней двигались так, будто ещё не до конца решили, кем они должны быть в этом пространстве.

Я достал блокнот. Сначала рисовал почти осознанно: линии сцены, силуэты актёров, световые пятна, которые ложились на пол как разлитое молоко, и театр постепенно начал собираться на бумаге — не таким, каким он был, а таким, каким я его видел.

Потом что-то изменилось. Не резко, а постепенно, почти незаметно. Линии стали менее точными, фигуры начали терять границы, пространство сцены смешалось с залом, свет — с тенями, и в какой-то момент рисунок перестал быть попыткой зафиксировать реальность и стал чем-то другим, более личным, почти внутренним.

Когда я оторвался от блокнота, я даже не сразу понял, что именно получилось. Это была уже не сцена. И не люди. А что-то, что мог понять только я сам — ощущение пространства, в котором всё одновременно существует и распадается.

Телефон завибрировал. Это был Нейт. Я посмотрел на экран. И не ответил. Секунда превратилась в решение, и я просто перевёл взгляд обратно на сцену, где репетиция продолжалась так, будто ничего за пределами этого зала не существовало.

Потом пришло сообщение от мамы. Я на мгновение задержал взгляд. И тоже не ответил. Я сделал фотографию машины — тёмный силуэт Chevrolet на фоне вечернего света у входа в театр — и отправил ей короткое:

“Всё нормально.”

Без объяснений. Без деталей. Без продолжения.

Зал постепенно заполнялся людьми, и шум становился плотнее, но всё ещё оставался приглушённым, как будто стены театра не позволяли ему стать настоящим. Когда начался концерт, свет в зале погас почти полностью, и сцена вспыхнула мягким, тёплым светом, в котором музыка начала существовать ещё до того, как её можно было различить. Люди вокруг меня постепенно исчезли в темноте, превращаясь в силуэты. Я уже почти перестал чувствовать границы между собой и пространством, когда рядом кто-то сел.

Я повернул голову. Мужчина лет пятидесяти, в тёмном пиджаке, с внимательным, спокойным взглядом, который не казался случайным — скорее привычкой смотреть так на всё вокруг.

— Вы студент? — спросил он тихо, не отрывая взгляда от сцены.

— Да, — ответил я так же тихо.

— Какой факультет?

Я на секунду замолчал.

— Медицина.

Он чуть кивнул, будто это объясняло только часть карти-

ны.

— Я Говард Лэнгли, — сказал он спокойно. — декан факультета искусств.

Имя прозвучало без давления, но с весом, который в этом пространстве ощущался особенно отчётливо.

Я кивнул.

— Элиот Хоторн.

Он посмотрел на мой блокнот, который я всё ещё держал в руках.

— Вы рисуете?

Я чуть напрягся.

— Иногда.

Он не стал продолжать сразу, просто снова перевёл взгляд на сцену, где актёры двигались в мягком свете, будто музыка уже стала их воздухом.

— Здесь сегодня много людей, — сказал он спустя паузу. — Но редко вижу тех, кто действительно смотрит, а не просто присутствует.

Я не ответил. Потому что не был уверен, к какой категории отношусь я сам.

Музыка усилилась, сцена ожила окончательно, и зал перестал быть просто помещением — он стал чем-то общим, единым, где каждый сидел внутри одной и той же тишины, но слышал в ней своё. И впервые за весь день мне показалось, что всё, что происходило до этого момента — дорога, машины, разговоры, игнорированные звонки — было про-

сто подготовкой к чему-то, смысл которого я ещё не успел понять.

Лиам вышел вместе с группой. Я не сразу узнал его в этом другом состоянии — сосредоточенном, собранном, будто музыка была не тем, что он исполняет, а тем, чем он становится. Когда он взял бас-гитару, звук не показался громким или резким, он скорее заполнил пространство мягко, но уверенно, и весь зал как будто чуть изменил дыхание.

Я смотрел на него и чувствовал странное напряжение, похожее на восхищение, в котором есть что-то почти тревожное, потому что это было не просто выступление — это было место, где человек был на своём.

Рядом декан сидел неподвижно, наблюдая сцену с тем спокойствием, которое бывает у людей, привыкших видеть талант не как вспышку, а как закономерность. Я ловил себя на мысли, что смотрю сразу в две стороны — на сцену и внутрь себя. На то, кем я сейчас являюсь. И на то, кем, возможно, никогда не стану.

Лиам двигался легко, почти не думая о зрителях, и именно это делало его присутствие таким уверенным, будто сцена была не местом оценки, а продолжением его самого.

И в какой-то момент восторг сменился чем-то более тихим, почти болезненным осознанием: он был там, где должен быть. А я — нет. Мысли начали расплываться, как краска в воде.

Сначала Нейт. Дом, который не стал домом, обещания,

шум, попытки объяснить то, что не объясняется, и странное чувство, что я сам постепенно превращаюсь в человека, который постоянно уходит, вместо того чтобы оставаться и разбираться. Потом Лиам. Спокойствие его голоса, его простота, его уверенность в том, что можно просто идти туда, где есть звук, и не задавать слишком много вопросов.

И где-то между этими двумя мыслями появилось чувство вины, которое не принадлежало ни одному из них полностью.

Я подумал о том, прав ли я, что игнорирую Нейта. И не нашёл ответа, который не звучал бы как оправдание. И вдруг, почти неожиданно, всплыло другое воспоминание — не из последних дней, а из более старого ощущения, когда я был младше и часто представлял, что у меня есть старший брат. Не конкретный человек, а просто присутствие рядом: кто-то, кто мог бы объяснить мир проще, чем он есть, кто-то, рядом с кем не нужно всё время выбирать правильную реакцию.

И теперь, сидя в темноте театра, я вдруг поймал себя на странной мысли, что, возможно, я сам начал заменять это ощущение людьми, которые не обязаны были его заменять. Лиам на сцене. Нейт в доме. И между ними — я, который всё ещё пытается понять, где здесь “свой”.

Музыка усилилась, и на секунду мне показалось, что решение уже существует само по себе, просто я ещё не готов его признать. Я повернулся к декану, когда свет сцены снова чуть приглушили. Он не смотрел на меня, но, будто почув-

ствовав движение, слегка повернул голову.

— Простите, — тихо сказал он и достал из внутреннего кармана визитку. — Если вам когда-нибудь понадобится совет или направление... или просто разговор о том, куда двигаться дальше, я буду рад помочь.

Я взял визитку. Она казалась слишком простой для того веса, который в ней внезапно появился. Я снова посмотрел на сцену. Лиам играл так, будто не существует ничего вне этого момента, и от этого внутри стало ещё тяжелее. Я медленно выдохнул. И в этом выдохе было что-то похожее на капитуляцию. Я поднялся.

— Извините, — сказал я декану, почти не слыша свой голос.

Он только кивнул, как будто понимал больше, чем было сказано. Я вышел из зала до окончания концерта.

Итак встретила меня прохладным воздухом, и когда я сел в машину, тишина внутри неё оказалась резкой, почти неприятной. Я завёл двигатель и поехал туда, где, как мне казалось, всё ещё существовало что-то, что я называл домом, даже если это слово уже давно перестало быть точным.

Когда я подъехал к дому, окна уже горели тёплым светом, но это тепло не ощущалось как что-то уютное — скорее как знак того, что внутри всё ещё продолжается день, который давно должен был закончиться. Я заглушил двигатель и на секунду просто сидел в машине, не выходя, слушая тишину салона, в которой мысли звучали громче, чем дорога, по ко-

торой я только что ехал.

Изнутри доносились голоса. Сначала приглушённые, потом отчётливее, и чем ближе я подходил к двери, тем яснее становилось, что это не обычный разговор. Я открыл дверь. И сразу понял, что попал не вовремя, хотя, возможно, это было единственное время, когда всё стало видно по-настоящему.

В гостиной стояли Нейт и девушка, которую я видел впервые. Она была высокой, с тёмными волосами, собранными небрежно, и в её голосе было что-то резкое, почти дрожащее от напряжения, как будто каждое слово было уже сказано внутри неё много раз до этого момента.

— Ты не понимаешь, — говорила она, и голос её срывался, но не терял уверенности. — Мои родители никогда не примут такую жизнь. Они не примут тебя таким, какой ты есть сейчас.

Нейт стоял напротив неё, не перебивая, но в его лице уже не было той лёгкости, которую я видел раньше — только усталость и что-то глухое, закрытое.

— Это не только про них, — продолжала она, делая шаг ближе. — Это про тебя. Ты сам себя разрушаешь, и ты даже не замечаешь.

Он всё ещё молчал. И от этого молчания становилось только хуже.

— Ты думаешь, я не знаю? — её голос стал тише, но острее. — Про измены, про то, что ты всегда оставляешь за со-

бой что-то сломанное и делаешь вид, что это не ты.

Эти слова повисли в воздухе, и на секунду даже шум дома исчез, как будто стены сами решили не вмешиваться. Я остановился у входа, не зная, должен ли пройти дальше или остаться там, где меня пока не заметили.

Она увидела меня первой. Её взгляд на мгновение задержался на мне, но почти сразу же потерял интерес, как будто я был не частью разговора, а просто случайным предметом в комнате.

— Ты даже не пытаешься ничего менять, Нейт, — сказала она уже тише, но с тем же напряжением. — И я не собираюсь оставаться там, где меня всё время тянут вниз.

Она сделала шаг назад, взяла сумку с дивана.

— Я устала.

И ушла. Дверь закрылась за ней слишком тихо, почти вежливо, что только усилило ощущение неловкой пустоты, оставшейся в комнате. Я остался стоять у входа. Нейт не сразу повернулся ко мне. Он смотрел туда, где ещё секунду назад она стояла, будто надеялся, что, если достаточно долго не двигаться, всё вернётся обратно. Но ничего не возвращалось. Наконец он выдохнул и медленно провёл рукой по лицу.

— Ты рано, — сказал он глухо.

Я не ответил сразу. Потому что не был уверен, что это вообще был упрёк.

— Всё нормально? — спросил я тихо.

Он усмехнулся, но в этой усмешке не было ничего живого.
— Нет.

Пауза между нами повисла тяжёлая, плотная, как воздух перед грозой, только гроза уже прошла, оставив после себя разрушение, которое не сразу становится заметным. Я прошёл внутрь и закрыл дверь. Мы остались вдвоём. И впервые за всё время в этом доме стало по-настоящему тихо — не потому, что всё закончилось, а потому что больше не осталось никого, кто мог бы говорить вместо тишины.

— Что происходит? — спросил я наконец.

Он не ответил сразу, как будто решал, имеет ли смысл вообще говорить. Потом медленно сел на край дивана, опустив локти на колени.

— Мы знаем друг друга с школы, — сказал он тихо. — Её зовут Мэделин Кроуфорд.

Имя прозвучало так, будто оно принадлежало не только человеку, но и целому периоду жизни, который уже невозможно изменить.

— Мы поступили вместе, — продолжил он. — Она всегда была... правильной. Училась, планировала, двигалась вперёд так, как будто у неё уже был готовый маршрут.

Он усмехнулся коротко, без радости.

— А я нет.

Я сел напротив, не перебивая.

— Мне было тяжело там, — сказал он после паузы. — В университете, в этом городе, вообще везде. И дома тоже не

было никого, кто бы сказал, что это нормально. Что можно не справляться.

Он замолчал, потом провёл рукой по затылку, будто пытаясь вытащить из головы то, что давно там застряло.

— Я начал искать людей. Не тех, кто “правильный”, а тех, кто просто был рядом. Иногда это были... очень странные люди.

Я молчал, потому что он не звучал так, будто оправдывается. Он звучал так, будто впервые говорит это вслух не себе.

— На одной сессии меня почти отчислили, — продолжил он. — Я тогда уже не тянул. Но эти ребята... они помогли мне остаться.

Он посмотрел на меня впервые прямо.

— И с этого всё пошло дальше.

Я нахмурился.

— Что пошло дальше?

Он не отвёл взгляда.

— Я начал зарабатывать. Сначала мелочи. Потом больше. Договорённости с преподавателями, “решения вопросов”. Взятки. Всё, что позволяло не упасть полностью.

Слово повисло между нами тяжелее остальных. Я не перебил. Потому что в этом не было хвастовства. Только факт.

— И Мэделин? — спросил я тише.

Нейт опустил взгляд.

— Она тоже это видела, — сказал он. — Сначала пыталась вытянуть меня обратно. Потом перестала пытаться. Потом...

мы просто продолжали быть рядом, потому что так проще, чем признать, что всё закончилось.

Он сделал паузу, длинную, почти болезненную.

— Это уже не любовь, — добавил он. — Просто привычка, которая не уходит быстрее, чем ты её осознаёшь.

Я посмотрел на него внимательнее.

— Тогда почему ты не расстанешься с ней?

Он усмехнулся, но в этом не было ответа.

— Потому что я не знаю, как выглядит конец чего-то, что всё ещё приходит домой.

Тишина после этих слов стала плотной, как будто сама комната перестала быть уверена, что ей делать дальше. Я откинулся на спинку стула.

— Зачем ты хотел, чтобы я её увидел? — спросил я наконец.

Нейт долго не отвечал. Потом поднял взгляд, и в нём впервые за весь разговор появилась ясность, почти неприятная своей прямоотой.

— Чтобы ты понял, — сказал он. — Во что превращается жизнь, когда вместо тебя ею начинает управлять что-то другое.

Я смотрел на него.

— И ты думаешь, я этого не понимаю?

Он чуть покачал головой.

— Ты пока думаешь, что можешь просто выбрать “правильное” и выйти из этого чистым.

Он сделал паузу.

— Но это не так работает.

Я медленно выдохнул. И впервые за всё время не нашёл сразу, что ответить. Потому что в его словах не было попытки оправдаться. Только предупреждение. И это звучало куда тяжелее.

Я слушал Нейта и чувствовал, как в его словах постепенно перестаёт быть только его история — она начинает цепляться за что-то внутри меня, не резко, не болезненно, а так, как будто кто-то медленно открывает давно закрытую дверь, в которую я сам не заходил годами.

— Я понимаю, — сказал я наконец тише, чем ожидал. — Не всё, конечно. Но часть.

Он посмотрел на меня, не перебивая, и я впервые за всё время почувствовал, что он действительно слушает, а не просто ждёт, пока я закончу.

Я чуть опустил взгляд.

— У меня тоже... не было простого времени, — продолжил я. — После переезда, после всего этого решения за меня. Я думал, что если я просто уеду, то всё станет тише. Что мама отпустит контроль, что появится дистанция.

Я усмехнулся почти незаметно.

— Но вместо этого она как будто просто нашла новый способ держать меня рядом.

Я замолчал на секунду, подбирая слова, которые обычно не произносятся вслух.

— Когда родились близнецы от отчима... я почему-то решил, что теперь всё изменится. Что я перестану быть центром её тревоги. Что у неё появятся другие задачи.

Я выдохнул.

— Но стало только хуже. Как будто я стал частью какой-то роли, которую она для меня придумала заранее. Ответственный. Надёжный. Тот, кто “должен понимать”.

Я посмотрел на Нейта.

— Но я никогда не нуждался в этом. Ни в ролях, ни в ожиданиях. Мне... просто не хватало внимания. Нормального. Без условий.

В комнате стало тише, хотя тишина уже и так была почти осязаемой. Нейт кивнул медленно.

— А твой отец? — спросил он после паузы.

Я замер на долю секунды. Вопрос был простой. Ответ — нет.

— Не знаю, — сказал я ровно.

И это было правдой только наполовину. Я знал. Просто не хотел туда возвращаться. Нейт не стал давить, и это почему-то оказалось важнее самого вопроса. Он опустил взгляд, потом выдохнул.

— Мне нужна помощь, — сказал он тихо. — И... чтобы ты был рядом. Хотя бы сейчас.

Я посмотрел на него. В нём уже не было прежней уверенности, только усталое признание того, что он не справляется один так, как пытался показывать раньше. Я кивнул.

— Ладно.

И в этот момент телефон завибрировал в кармане. Я достал его почти автоматически. Лиам. Сообщение:

“Почему ты ушёл?”

И сразу следом фотография: тёплый свет сцены после концерта, пустой зал, инструменты, оставшиеся на сцене, и ощущение завершённого вечера, который я не досмотрел. Я смотрел на экран дольше, чем должен был. И впервые за день почувствовал, что нахожусь сразу в двух местах, ни одно из которых не даёт полного ответа. Я не ответил сразу. Потому что любое слово в этот момент уже означало выбор. А я ещё не был уверен, что готов его сделать.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ТОЧКА КИПЕНИЯ

«И познаете истину, и истина сделает вас свободными.»

— Евангелие от Иоанна 8:32

Утро впервые за долгое время началось без напряжения, как будто дом на несколько часов снова стал просто домом, а не местом, где каждое слово нужно было взвешивать.

Мы с Нейтом позавтракали на кухне, не спеша, почти нормально: кофе, тосты, короткие разговоры о расписании, о лекциях, о том, какие корпуса сложнее найти в университете в первые недели, и в этом было что-то почти обманчиво простое, как будто всё остальное могло на время исчезнуть, если не называть его по имени.

— Ты решил насчёт кружка? — спросил Нейт между делом, не поднимая взгляда от чашки.

Я задержал вилку на секунду.

— Пока думаю, — ответил я.

Он кивнул, не настаивая, но я почувствовал, что вопрос для него не был случайным — он всё ещё где-то внутри него жил.

После завтрака я собрался, и когда вышел из дома, воздух

показался легче, чем в предыдущие дни, хотя я уже не был уверен, дело ли это в погоде или в том, что я просто научился не задерживаться в одном месте слишком долго.

Сев в машину, я на секунду задержался, прежде чем завести двигатель, и достал из кармана визитку декана, которую получил в театре. Гладкая бумага, простые строки, имя и контакт — ничего особенного, и всё же в этом было что-то странно весомое, как маленькая дверь, которая может оказаться чем угодно, если её открыть. Я посмотрел на неё ещё пару секунд, потом убрал обратно и завёл машину.

Дорога до университета прошла почти незаметно. Кампус уже жил привычным утренним движением: студенты с кофе, разговоры на ходу, открытые книги, смех, который ещё не успел стать усталостью. Я присоединился к этому потоку так же тихо, как и всегда, и только на лекции узнал от однокурсников, что завтра будет общее мероприятие — праздник в честь начала учебного года, где соберутся все факультеты, музыка, выступления, какие-то официальные речи.

Я слушал это больше, как фон, но, когда разговор закончился, понял, что всё равно собираюсь туда пойти, даже если не до конца понимаю зачем. Не потому что хочу. Скорее, потому что не вижу причины не идти.

В течение дня я несколько раз доставал телефон, и один раз даже набрал Нейта, не особо задумываясь, но он не ответил. Я смотрел на экран пару секунд, потом просто убрал телефон в карман, не оставив ни сообщения, ни повторного

вызова, и пошёл дальше по коридору, смешиваясь с потоком студентов, в котором было легко потеряться и так же легко исчезнуть из собственных мыслей.

Это началось так же, как и всё в последнее время — не как событие, а как накопившееся напряжение, которому просто нужно было найти выход.

Я выходил из корпуса после пары, когда заметил Томаса Риверса у стены у входа, в том самом положении, в котором люди не столько стоят, сколько занимают пространство, будто оно им принадлежит по праву.

Его взгляд нашёл меня сразу. Слишком уверенно. Слишком спокойно.

— Хоторн, — произнёс он так, будто моё имя у него во рту давно стало привычкой. — Ты всё ещё здесь. Я думал, тебя медицина уже проглотила.

Я прошёл мимо, не останавливаясь.

— Не сегодня.

Но он пошёл рядом. Не спеша. Как будто у него не было другого маршрута.

— Слышал, ты теперь рисуешь, — сказал он. — Это временно или ты просто ищешь способ не провалиться в то, что от тебя ждут?

Я остановился не сразу. Сначала просто почувствовал, как внутри становится холоднее, чем снаружи, и только потом повернулся.

— Ты вообще когда-нибудь говоришь не о чужих жизнях?

Он усмехнулся.

— А у тебя они вообще есть? Или ты просто меняешь роли — сын, студент, будущий врач?

Я сделал шаг ближе, почти не осознавая этого.

— Оставь меня.

Томас чуть наклонил голову, как будто рассматривает что-то интересное.

— Или что?

И в этом “или что” не было вопроса. Там была провокация, старая и уверенная, как будто он уже знал, чем всё закончится. Я не помню момента, когда перестал думать. Просто движение. Плечо, шаг, удар. Ответ.

Шум вокруг стал резким, чужим, как будто кто-то внезапно включил звук в мире, который до этого был приглушён. Кто-то кричал. Кто-то оттаскивал нас. Я почувствовал вкус металла во рту и понял, что это уже не разговор и даже не конфликт — это просто то, что иногда происходит, когда слова больше не помещаются между людьми. Томас вытер губу тыльной стороной руки и посмотрел на меня спокойно, почти с интересом.

— Всё тот же, — сказал он тихо.

И его увели.

Дальше всё было как через стекло. Кабинеты, двери, чьи-то голоса, которые звучали слишком ровно, слишком официально для того, что только что произошло. Дисциплинарная комиссия. Белый свет. Длинный стол. Лица, которые умеют

не показывать эмоции, потому что привыкли к чужим ошибкам.

Я сидел напротив Томаса и не смотрел на него. Он тоже не смотрел на меня. Между нами было слишком много прошлого, чтобы это можно было назвать просто дракой.

— Вы понимаете, что это нарушение? — спросил кто-то из комиссии.

Я кивнул.

— Да.

Голос прозвучал так, будто принадлежал не мне.

Томас пожал плечами.

— Понимаю.

И снова тишина. Та, в которой никто не спешит спасти ситуацию, потому что ситуация уже произошла. Когда всё закончилось, нас отпустили по отдельности.

Коридор был пустой. Я шёл, чувствуя, как внутри остаётся не злость и не облегчение — только странное ощущение, что что-то во мне снова стало ближе к поверхности, чем должно быть. И от этого было не легче. Просто честнее.

Когда дверь корпуса закрылась за моей спиной, я впервые за последний час смог нормально вдохнуть. Осенний воздух оказался холоднее, чем я ожидал.

Ссадина на скуле неприятно пульсировала, костяшки были содраны, а внутри осталась пустота, которая обычно приходит не после драки, а после осознания того, что драка ничего не изменила.

Я достал телефон. Первым делом набрал Нейта. Я смотрел на экран и сам не понимал, зачем звоню. Возможно, хотел узнать, сможет ли он помочь замять эту историю до того, как о ней узнают родители. Возможно, просто хотел услышать знакомый голос. Или убедиться, что он рядом. Но трубку никто не взял. Я сбросил вызов и несколько секунд смотрел на экран. Потом убрал телефон в карман. Странно. Ещё несколько дней назад мне казалось, что я никому здесь не нужен. Теперь же меня раздражало отсутствие одного человека.

— Выглядишь так, будто проиграл спор с грузовиком.

Я поднял голову. Лиам стоял в нескольких метрах от меня. На его лице появилась знакомая усмешка. Рядом с ним стояла девушка. Невысокая, с длинными каштановыми волосами и большими серыми глазами. Она выглядела мягче Лиамы, но в её взгляде чувствовалась та же уверенность человека, который знает своё место в мире.

— Господи, — сказала она, разглядывая мою разбитую губу. — Это университет или подпольный бойцовский клуб?

— Пока не решил, — ответил я.

Она рассмеялась.

Лиам кивнул на неё.

— Это Эвелин.

— Девушка, которая периодически спасает группу от полного развала, — добавила она.

— Неправда.

— Правда.

— Наглая ложь.

— Абсолютная правда.

Я впервые за день усмехнулся.

Эвелин заметила это.

— Вот, уже лучше. А то вид у тебя был такой, будто ты собирался написать предсмертное письмо.

— Не настолько всё плохо.

— Мужчины всегда так говорят.

Лиам закатил глаза.

— Не слушай её.

— Именно меня и нужно слушать, — ответила Эвелин.

— Я единственный взрослый человек в нашей группе.

— Ты младше меня.

— Но умнее.

— Спорный вопрос.

Она победно улыбнулась. Несколько минут мы просто разговаривали. О музыке. О городе. О том, как быстро Итака начинает казаться меньше, чем есть на самом деле. Эвелин рассказала, что играет на клавишных и иногда пишет аранжировки для группы. Лиам добавил, что без неё половина песен так и осталась бы набором случайных аккордов. Слушая их, я вдруг поймал себя на том, что они напоминают людей из совершенно другого мира. Не потому, что были лучше. Просто, потому что выглядели свободнее. Словно им не нужно было постоянно объяснять самим себе, почему они

живут именно так.

— Кстати, — сказала Эвелин, разглядывая мой разбитый вид. — Тебе бы в медпункт.

— Я учусь на медика.

— И?

— И знаю, что ничего серьёзного.

— Великолепно. Значит, ты особенно обязан туда сходить.

Даже Лиам согласно кивнул.

Через двадцать минут я уже сидел в университетском медпункте.

Медсестра обработала ссадину на скуле, заклеила небольшую рану над бровью и покачала головой.

— Первый курс?

— Да.

— Каждый год одно и то же.

— Что именно?

Она закончила накладывать пластырь.

— Молодые люди думают, что взрослые проблемы решаются кулаками.

Я хотел ответить, но не нашёл подходящих слов. Потому что проблема была в том, что она была права. Когда я вышел обратно на улицу, солнце уже клонилось к вечеру. Студенты спешили по своим делам, деревья шелестели под ветром, а впереди был праздник начала учебного года, дисциплинарная комиссия и десятки вещей, о которых стоило беспоко-

иться.

Я снова достал телефон. Ни одного ответа от Нейта. И почему-то именно это беспокоило меня сильнее всего.

Когда я подъехал к дому, на улице уже начинало темнеть. Небо над Итакой стало тяжёлым, серо-синим, и редкий свет из окон соседних домов выглядел так, будто люди внутри давно научились жить правильной жизнью — спокойной, понятной, не похожей на мою.

Машину я заглушил не сразу. Сидел внутри, слушая, как остывает двигатель, и смотрел на отражение собственных глаз в лобовом стекле. Разбитая губа. Пластырь над бровью. Усталость, которую невозможно было объяснить только дракой.

Телефон завибрировал. Мама. Я несколько секунд смотрел на экран, уже заранее зная, каким будет разговор. Потом всё-таки ответил.

— Привет, Элиот.

Её голос был слишком спокойным. Это всегда означало, что она уже всё знает.

— Привет.

Пауза. Короткая, но тяжёлая.

— Мне позвонили из университета.

Конечно. Я прикрыл глаза.

— Понятно.

— “Понятно”? — переспросила она тише. — Ты подрался в первую же неделю.

В её голосе не было крика. Только разочарование. И почему-то оно всегда давило сильнее.

— Это не было чем-то серьёзным.

— Для дисциплинарной комиссии было достаточно серьёзным.

Я отвернулся к окну. По стеклу медленно поползли первые капли дождя.

— Всё уже закончилось.

Она выдохнула в трубку так, будто пыталась удержать разговор от ссоры.

— Элиот... тебе не кажется, что стоит рассказать Джону?

Я почти сразу покачал головой, хотя она этого не видела.

— Нет.

— Он имеет право знать.

— Это моя проблема.

— Ты живёшь не один.

Внутри снова поднялось знакомое раздражение — тихое, холодное, накопленное за годы.

— Именно поэтому я и уехал, мам.

На секунду в трубке стало тихо. Я почти увидел её лицо — напряжённое, усталое, пытающееся подобрать “правильные” слова.

— Я просто переживаю за тебя, — сказала она наконец.

Я горько усмехнулся.

— Ты всегда переживаешь. Даже когда ничего не происходит.

Она проигнорировала это. Или сделала вид.

— Кстати... — её голос стал осторожнее. — Ты видел Нейта? Лора не может дозвониться до него с утра. Она начинает волноваться.

Я посмотрел на тёмные окна дома. Внутри тишина.

— Он дома, — ответил я. — Всё нормально.

— Ты уверен?

Я вспомнил его лицо вчера вечером. То, как он говорил о своей жизни, будто рассказывал о чужой.

— Да, — сказал я тише. — Просто у него был сложный день. Он спит.

Мама помолчала.

— Хорошо.

Но даже через расстояние я чувствовал, что она не до конца поверила. И, возможно, правильно сделала.

— Ладно, Элиот... пожалуйста, постарайся не создавать себе проблем.

Я чуть улыбнулся, хотя в этой улыбке не было ничего живого.

— Поздно.

Она тяжело выдохнула.

— Спокойной ночи.

— Спокойной.

Я сбросил вызов и ещё несколько секунд сидел в машине, слушая дождь. Потом поднял взгляд на дом. И впервые за всё время почувствовал странное, почти тревожное ощущение.

ние, будто внутри меня медленно растёт понимание: возраст — это не свобода. Это момент, когда ты начинаешь скрывать правду не потому, что хочешь, а потому что иначе всё окончательно развалится.

Нейта дома не оказалось. Я понял это почти сразу. В гостиной было темно. На кухне тоже никого. Его комната пустовала, а кровать выглядела так, словно к ней даже не подходили. Сначала я просто стоял посреди коридора. Потом написал сообщение. В голове сразу всплыли слова матери.

"Лора не может до него дозвониться."

Я сел на край кровати и впервые за последние дни почувствовал настоящее беспокойство.

Не раздражение. Именно беспокойство. Нейт был старше меня. Намного лучше знал этот город и людей. Но почему-то сейчас мне казалось, что он движется по дороге, которую уже давно перестал контролировать.

Я долго смотрел в потолок. Пытался уснуть. Тогда я достал блокнот, старый, уже немного потрёпанный. Открыл чистую страницу. Карандаш привычно лёг в руку. Сначала появились линии. Потом холмы. Деревья. Высокая трава. Свет, много света. Самое странное было в том, что я не собирался ничего конкретного рисовать. Рисунок словно возникал сам.

Передо мной постепенно появился яркий летний пейзаж, совершенно не похожий на серую Итаку. Небо было почти золотым. Не закатным, скорее таким, каким его рисует память, когда забывает реальные цвета. Высокие травы колы-

хались под ветром. На горизонте тянулись мягкие холмы. Где-то вдали угадывалась узкая тропинка. И посреди всего этого стояла девушка. Сначала появился силуэт. Потом волосы. Длинные, тёмные. И при этом словно наполненные солнечным светом. Ветер поднимал отдельные пряди. Она стояла вполоборота, будто только что услышала своё имя. Лица почти не было видно, лишь намёк на профиль. Но почему-то именно её глаза оказались прорисованы лучше всего. Карие. Живые. Немного грустные, словно она знала что-то, чего не знал никто вокруг.

Я продолжал рисовать. Добавлял детали. Складки лёгкого платья. Тени от травы, солнечные блики. И только закончив, понял странную вещь. Я никогда не видел эту девушку, но почему-то она казалась знакомой. Настолько знакомой, что внутри появилось почти болезненное чувство потери. Словно я вспоминал человека, которого ещё даже не встретил. Я долго смотрел на рисунок. Потом положил блокнот рядом. И сам не заметил, как уснул.

Меня разбудила музыка. Громкая. Настолько громкая, что дрожали стёкла. Первые секунды я вообще не понимал, где нахожусь. Потом музыка ударила снова. Бас, чей-то смех, хлопнувшая дверца автомобиля. Я резко поднялся. За окном только начинало светать. Серое утро ещё не успело превратиться в день. Музыка продолжала греметь с улицы. Я спустился вниз, открыл дверь, и замер.

Перед домом стояла старая машина, из открытых окон

орала музыка. Возле неё, держась одной рукой за крышу автомобиля, стоял Нейт. Точнее пытался стоять. Он едва держался на ногах. Рядом находился какой-то парень лет двадцати пяти в кожаной куртке. Судя по виду, тоже далеко не трезвый. Нейт что-то говорил ему, но слова превращались в бессвязный набор звуков. На секунду я почувствовал такую ярость, что даже удивился её силе. Не из-за алкоголя. Не из-за ночи. Не из-за шума. А потому что вчера вечером он сидел напротив меня и говорил о том, как его жизнь выходит из-под контроля. А сейчас выглядел человеком, который сам толкал её ещё дальше в пропасть.

— Серьёзно? — произнёс я.

Нейт поднял голову. Улыбнулся.

— Элиот. . .

И чуть не упал. Я успел подхватить его за плечо. Парень рядом хрипло рассмеялся.

— Твой брат?

— Нет.

— Жаль.

— Помоги мне.

Вместо ответа он всё же подхватил Нейта с другой стороны. Мы кое-как затащили его в дом. Каждый шаг сопровождался попытками Нейта что-то объяснить. Ни одной законченной фразы он так и не произнёс. Через несколько минут он уже без сознания лежал на диване в гостиной. Я стоял рядом и смотрел на него. На пустые бутылки в карманах курт-

ки. На усталое лицо человека, который давно перестал воевать с собой и теперь просто сдавал позиции. И вдруг понял, что больше не хочу ждать. Не хочу надеяться, что всё само исправится. Не хочу жить в доме, где каждый новый день начинается с последствий предыдущего.

Внутри что-то окончательно встало на своё место. Спокойно, холодно и без злости.

Я поднялся наверх. Нашёл визитку, ту самую. Белый прямоугольник с именем декана факультета искусств. Профессор Говард Лэнгли.

Несколько секунд я смотрел на номер. Потом набрал его. Гудок. Наконец на том конце ответили.

— Слушаю.

Я посмотрел в окно на серое утро Итаки. На дом, на машину. На жизнь, которая всё меньше походила на ту, которую для меня придумали другие. И впервые за долгое время ответил без колебаний.

— Здравствуйте, профессор Лэнгли. Это Элиот Хоторн.
Пауза.

— Помните, вы говорили, что готовы помочь?

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. ПОРОГ

«Свет во тьме светит, и тьма не объяла его.»

— Евангелие от Иоанна 1:5

Я долго смотрел в окно, прежде чем спуститься вниз. Утро окончательно вступило в свои права. Туман над Итакой начал рассеиваться, открывая влажные крыши домов и тёмные силуэты деревьев за ними. Где-то вдали проехала машина. Обычное утро. Такое же, как сотни других.

Только внутри меня что-то изменилось. Наверное, это произошло ещё тогда, когда я увидел Нейта пьяным возле дома. Или, когда держал его под руку, чтобы он не упал. Или когда стоял над ним, спящим на диване, и понимал, что он сам давно перестал понимать, куда движется.

Я спустился на кухню. Нейт уже сидел там. Перед ним стояла кружка кофе. Он выглядел лучше, чем утром несколько часов назад, но всё равно казался человеком, который не спал несколько суток подряд. Под глазами залегли тени, волосы были растрёпаны, а взгляд оставался тяжёлым.

Он поднял голову, когда я вошёл. Несколько секунд мы просто смотрели друг на друга. Потом я открыл холодильник.

— Доброе утро, — сказал Нейт.

— Угу.

— Ты злишься.

Я достал сок.

— Нет.

— Врёшь.

Я закрыл дверцу холодильника и наконец посмотрел на него.

— Какая разница?

Он усмехнулся.

Не весело.

Скорее устало.

— Наверное, никакой.

Я сел напротив.

Несколько секунд слышно было только тиканье часов на стене.

— Я вчера облажался, — наконец произнёс Нейт.

— Да.

— И это всё?

— А что ты хочешь услышать?

Он провёл рукой по лицу.

— Не знаю.

— Тогда я тоже не знаю.

Нейт откинулся на спинку стула. Некоторое время он молчал.

— Ты разочаровался во мне.

Это прозвучало не как вопрос. Как факт. Я задумался. За

окном качнулись ветви деревьев, солнечный свет скользнул по столу.

— Нет, — сказал я наконец.

Он удивлённо поднял взгляд.

— Нет?

— Чтобы разочароваться в человеке, нужно сначала придумать его лучше, чем он есть.

Нейт усмехнулся. На этот раз чуть искреннее.

— Жёстко.

— Зато честно.

Он кивнул. И почему-то не обиделся. Возможно потому, что сам думал примерно так же. Мы снова замолчали. Но теперь тишина уже не была неловкой. Скорее тяжёлой. Такой, в которой люди понимают, что разговор ещё не закончился.

— Знаешь, что самое смешное? — вдруг спросил Нейт.

— Что?

— Я ведь не всегда был таким.

Я ничего не ответил. Он и не ждал.

— Когда мне было восемнадцать, я думал, что всё будет просто. Получу диплом. Стану врачом. Куплю дом. Женюсь на Мэделин. Буду жить как все нормальные люди.

Он усмехнулся.

— А потом выяснилось, что жизнь вообще не интересуется моими планами.

Я смотрел на него и вдруг понял, что впервые слышу, как он говорит без масок. Без шуток. Без показной уверенности.

Просто говорит.

— Знаешь, что самое страшное? — продолжил он. — Не ошибки.

— А что?

Он посмотрел куда-то мимо меня.

— Привыкнуть к ним.

Я нахмурился.

— В каком смысле?

— В прямом.

Он сделал глоток кофе.

— Первый раз тебе страшно. Второй раз неприятно. Третий раз неловко. А потом ты просто живёшь так, будто это нормально.

Его голос звучал спокойно.

Слишком спокойно.

— Люди всегда думают, что катятся вниз быстро. На самом деле нет. Всё происходит очень медленно. Настолько медленно, что ты успеваешь объяснить себе каждое решение.

Я вспомнил Томаса. Комиссию. Собственную драку. И почему-то понял, о чём он говорит. Нейт заметил это.

— Именно поэтому я переживаю за тебя.

Я поднял взгляд.

— За меня?

— Да.

Я едва не рассмеялся.

— Нейт, посмотри на нас.

Он кивнул.

— Именно поэтому.

Повисла пауза. Длинная.

— Ты ещё думаешь, что всегда сможешь остановиться во-
время.

Я ничего не ответил. Потому что часть меня действительно так думала.

— А я думал так же.

Солнечный свет переместился по столу. За окном прошёл какой-то студент. Где-то залаяла собака. Мы сидели друг напротив друга, словно оба пытались найти ответы, которых ни у одного не было.

— Зачем ты вообще возишься со мной? — неожиданно спросил я.

Нейт удивился.

— Что?

— Ты меня почти не знаешь.

Он несколько секунд смотрел на меня. Потом усмехнулся.

— Потому что я знаю это чувство.

— Какое?

— Когда тебе кажется, что весь мир уже решил, кем ты должен стать.

Я замер. Он попал слишком точно.

— И ещё потому, — продолжил он тише, — что мне бы самому когда-то не помешал человек, который просто остал-

ся бы рядом.

Я опустил взгляд на кружку. В груди появилось неприятное чувство. Не жалость или сочувствие. Что-то другое. Более сложное. Потому что я увидел в Нейте не проблему, не источник неприятностей. А человека. Сломанного, запутавшегося, но человека. И именно это оказалось самым неудобным. Потому что злиться на чужие ошибки гораздо проще, чем понимать их.

Когда я вышел из дома, Нейт всё ещё сидел на кухне со своей кружкой кофе. Мы попрощались коротко, без лишних слов. После нашего разговора что-то изменилось. Не настолько, чтобы я начал ему доверять полностью, но достаточно, чтобы перестать видеть в нём только источник проблем.

Небо над Итакой было затянуто плотными облаками. Они висели низко над холмами, словно город находился под стеклянным куполом из серого света. Ветер шевелил верхушки деревьев вдоль дороги, и листья уже начинали приобретать тот насыщенный золотисто-красный оттенок, который превращает осень в красивую декорацию к чьей-то грустной истории.

Пока я ехал в университет, мысли снова вернулись в Рочестер. К маме. К Джону. К дому, который теперь казался одновременно далёким и слишком близким. И к близнецам. Я усмехнулся, поймав себя на этом.

Чем старше они становились, тем чаще мама начинала говорить о семье, ответственности и о том, что однажды мне

придётся помогать. Не сейчас. Не завтра. Когда-нибудь потом. Но этого "потом" было достаточно, чтобы я почувствовал себя частью чужого плана.

И всё же, сидя за рулём и наблюдая, как туман стелется между холмами Итаки, я неожиданно вспомнил их лица. Маленькие. Постоянно меняющиеся. Смешные. Один всегда хмурился во сне, словно решал сложнейшую задачу. Вторая могла улыбнуться посреди ночи без всякой причины. Я не скучал по ним так, как скучают по близким людям после долгой разлуки. Скорее по ощущению дома, частью которого они стали.

Странно. Когда живёшь рядом с людьми, кажется, что они мешают тебе дышать. Когда уезжаешь — понимаешь, что часть воздуха осталась там.

Первая пара прошла по анатомии. Аудитория была почти полной. Профессор говорил спокойно и уверенно, словно человеческое тело было не сложнейшей системой из тысяч взаимосвязанных процессов, а простой инструкцией к бытовому прибору. Я записывал материал машинально.

В какой-то момент заметил, что вместо конспекта рисую на полях блокнота знакомые линии. Длинные волосы. Лёгкий изгиб плеч. Тонкую шею. Я быстро закрыл страницу, но образ никуда не исчез. Девушка из рисунка. Почему-то я вспоминал её всё чаще. И это раздражало. Невозможно скучать по человеку, которого никогда не видел.

Вторая пара была по латинскому языку. В латыни всё ка-

залось честнее. Каждое слово имело своё место. Свой смысл. Свои правила. В отличие от людей. Преподаватель рассказывал о медицинской терминологии, а за окном медленно начинался дождь. Капли стекали по стеклу тонкими дорожками. Серый свет становился ещё мягче. Иногда мне казалось, что Итака специально выглядит так большую часть времени. Будто город создан для людей, которые слишком много думают.

После второй пары я вышел в коридор. Студенты шумели вокруг. Кто-то обсуждал завтрашний праздник. Кто-то уже строил планы на вечер. Я снова поймал себя на ощущении, что нахожусь чуть в стороне от всего этого.

Третья пара была по гистологии. Сам предмет оказался интереснее, чем я ожидал. Преподаватель показывал микроскопические изображения тканей человека, и я действительно слушал. Даже Томас сегодня не пытался меня задеть. Он сидел через несколько рядов впереди и выглядел так, словно драка закончилась для него ровно в тот момент, когда нас развели.

Наверное, нормальные люди именно так и поступают. Я же почему-то продолжал думать об этом. Когда занятие закончилось, я собрал вещи и уже собирался выйти из аудитории, когда меня окликнули.

— Элиот Хоторн?

Я обернулся.

У двери стояла женщина из администрации.

Кажется, я видел её во время регистрации.

— Да?

— Вас просили зайти к декану после занятий.

Что-то неприятно кольнуло внутри. Хотя причина была очевидной. Драка. Конечно. Я кивнул.

— Сейчас?

— Да. Желательно сразу.

Она протянула мне листок с номером кабинета. Поблагодарив её, я вышел в коридор. За окнами продолжал идти дождь. Студенты проходили мимо. Для всех остальных это был обычный день. Для меня — уже нет.

Я поднялся по лестнице на третий этаж административного корпуса. Коридор здесь был заметно тише. Даже воздух казался другим, более официальным.

Номер кабинета приближался с каждым шагом. В кармане лежала визитка профессора Лэнгли. Где-то дома лежал рисунок загадочной девушки. Нейт, вероятно, сейчас снова пытался собрать по кускам собственную жизнь. А я шёл к человеку, который должен был решить последствия моей первой драки в университете.

Наконец я остановился перед нужной дверью. Несколько секунд смотрел на табличку с фамилией. Потом взялся за ручку. И вошёл внутрь.

Я вошёл в кабинет и сразу почувствовал, что разговор будет неприятным. Иногда это становится понятно ещё до того, как человек начинает говорить.

Кабинет был просторным, с большими окнами, выходящими на мокрый университетский двор. Дождь всё ещё моросил, превращая стекло в размытую акварель из серого неба и тёмных деревьев. За массивным столом сидел декан медицинского факультета — доктор Уолтер Бреннан.

Он даже не предложил мне сесть. Сначала. Минуты две он просто перебирал какие-то бумаги, словно я был очередным документом, который случайно положили не в ту папку. Наконец он поднял взгляд.

— Мистер Хоторн.

— Да.

— Садитесь.

Я сел напротив. Он снова посмотрел в бумаги. Потом на меня. Потом снова в бумаги.

— Первые недели обучения.

— Да.

— И уже драка.

— Не совсем так. . .

Он поднял руку, прерывая меня.

— Я не задавал вопрос.

Я замолчал. Что-то подсказывало мне, что объяснения его не интересуют. Он откинулся на спинку кресла.

— Томас Риверс утверждает, что вы напали первым.

Я едва сдержал усмешку. Томас. Любимчик преподавателей. Сын человека, который наверняка жертвовал университету деньги. Отличник. Спортсмен. Будущий образцовый

врач. Мне даже стало любопытно, существует ли хоть один кабинет в этом здании, где его фамилия не открывала двери.

— Томас много чего утверждает, — спокойно ответил я.

Лицо декана стало холоднее. Именно тогда я окончательно понял, что дело не в драке. Драка была поводом. Настоящая причина сидела где-то глубже.

— Расскажите о своей семье, мистер Хоторн.

Вопрос оказался настолько неожиданным, что я не сразу понял, зачем он его задал.

— Что именно?

— Отец.

— Не общаемся.

— Мать?

— Живёт в Рочестере.

— Отчим?

— Да.

Он сделал какую-то пометку.

— Чем занимается?

Я ответил.

Декан снова что-то записал.

С каждой минутой разговор всё меньше напоминал дисциплинарное разбирательство и всё больше походил на допрос.

— Где вы живёте сейчас?

— В арендованном доме.

— Один?

— Нет.

— С кем?

— Нейт Блеквуд.

На секунду его лицо изменилось. Совсем немного. Но я заметил. Он нахмурился. Словно услышал что-то неприятное. Потом почти сразу выражение исчезло. Наоборот. Будто какая-то часть вопросов внезапно отпала сама собой.

— Понятно.

Странная реакция. Слишком странная. Я запомнил её. Несколько секунд в кабинете было тихо. Дождь стучал по стеклу. Где-то в коридоре хлопнула дверь. Наконец декан сложил руки перед собой.

— Знаете, мистер Хоторн, университет полон студентов, которые считают себя особенными.

Я ничего не ответил.

— Они приезжают сюда с мечтами. С планами. Думают, что будут менять мир.

Он посмотрел на меня внимательно.

— А потом выясняется, что они обычные.

Я почувствовал знакомое раздражение. То самое, которое появлялось каждый раз, когда кто-то пытался рассказать мне, кто я такой.

— Возможно.

— Невозможно. Так и происходит.

Он слегка наклонился вперёд.

— Я слышал, что вы интересуетесь искусством.

Вот теперь я действительно удивился. Кто мог рассказать?

— Да.

— И даже хотите открыть какой-то художественный кружок.

Я кивнул. На лице декана появилась улыбка. Но доброй её нельзя было назвать.

— При другом университете.

— Да.

Он покачал головой.

— Пустая трата времени.

Я промолчал.

— Вы поступили сюда учиться на врача.

— Я знаю.

— Тогда ведите себя как будущий врач.

— А если я не хочу быть врачом?

Вопрос вырвался раньше, чем я успел его остановить. Декан несколько секунд смотрел на меня. Потом медленно вздохнул. Как человек, который давно устал объяснять очевидные вещи.

— Тогда вы ошиблись университетом.

Я почувствовал, как внутри начинает подниматься злость. Не яркая. Не горячая. Холодная. Та, которая остаётся надолго.

— Возможно.

— Нет, мистер Хоторн.

Он снова посмотрел в свои бумаги.

— Люди вроде вас всегда думают, что способны на большее.

Повисла пауза.

— А оказывается, что ни на что они на самом деле не способны.

В кабинете стало очень тихо. Я слышал только дождь. Только капли за окном.

Почему-то именно в этот момент перед глазами возник рисунок. Золотое поле. Девушка. Солнечный свет. Совершенно другой мир. Не этот кабинет. Не этот человек. Не эта жизнь.

Я медленно поднялся со стула. Декан ничего не сказал. Лишь закрыл папку с моим делом. Разговор был окончен. Для него. Но не для меня. Потому что некоторые слова остаются с человеком намного дольше, чем хотелось бы тому, кто их произносит. Я молча вышел из кабинета. И только когда дверь закрылась за моей спиной, понял, что всё это время сжимал кулаки.

Когда я вышел из административного корпуса, первое, что бросилось мне в глаза, был Нейт.

Он стоял возле лестницы, засунув руки в карманы тёмной куртки, и смотрел куда-то вверх университетских зданий. Ветер шевелил его волосы, а рядом на асфальте лежали первые мокрые листья. На фоне серого неба он выглядел почти так же, как в день нашего знакомства.

Трезвый. По-настоящему трезвый. И от этого внутри ста-

ло немного легче, хотя я не собирался себе в этом признаваться. Нейт заметил меня почти сразу.

— Ну что? — спросил он, когда я подошёл ближе.

Я пожал плечами.

— Ничего хорошего.

— Бреннан?

— Угу.

Нейт усмехнулся так, словно услышал что-то ожидаемое.

— Дай угадаю. Томас оказался невинной жертвой обстоятельств?

— Примерно.

Он покачал головой.

— Когда-нибудь этот парень попадёт в неприятности серьёзнее университетской драки.

— Возможно.

Несколько секунд мы молча шли вдоль дорожки между корпусами. Дождь закончился, но воздух всё ещё пах мокрой землёй и листьями.

— Ты выглядишь так, будто тебя не драка беспокоит, — наконец сказал Нейт.

Я невольно усмехнулся. Он слишком быстро начал меня понимать.

— Меня беспокоит, что некоторые люди считают себя вправе решать, кем я должен быть.

— Добро пожаловать во взрослую жизнь.

— Очень вдохновляюще.

Нейт рассмеялся. Настояще, без привычной усталости. Я заметил, что мне нравится видеть его таким гораздо больше. Он кивнул в сторону парковки.

— Может, прокатимся куда-нибудь? Просто прогуляемся. Поедем к озеру или в центр.

Предложение застало меня врасплох. Ещё неделю назад мне бы и в голову не пришло проводить свободное время с Нейтом Блэквудом. Но сейчас я покачал головой.

— Не получится.

— Почему?

— Меня ждут по поводу кружка.

— Уже сегодня?

— Да.

— Тогда я поеду с тобой.

— Не нужно.

— Почему?

— Потому что я договорился встретиться с Лиамом.

Лицо Нейта почти не изменилось. Почти. Но я заметил. Тень раздражения мелькнула так быстро, что её можно было принять за игру света.

— С Лиамом.

— Да.

— Тем самым музыкантом.

— Тем самым.

Нейт отвёл взгляд.

— Понятно.

Я вдруг почувствовал себя так, будто оправдываюсь, хотя не сделал ничего плохого.

— Он помогает мне с кружком.

— Конечно.

Его голос стал заметно холоднее.

— А я думал, мы могли бы поговорить.

— Мы и так разговариваем.

— Видимо, недостаточно.

Повисла неловкая пауза. Я не сразу понял, что именно меня задело. Наверное, то, что в словах Нейта звучало не раздражение. Обида. Словно он рассчитывал на что-то большее, действительно считал меня другом. В конце концов он кивнул.

— Ладно.

— Нейт. . .

— Всё нормально.

Но по его лицу было понятно, что ничего не нормально. Он развернулся и пошёл к своей машине. Я смотрел ему вслед до тех пор, пока он не скрылся за корпусом. После разговора осталось странное чувство. Будто я снова сделал что-то не так, хотя не мог понять, что именно.

Через сорок минут я уже подъезжал к музыкальному магазину в центре города. Небо окончательно очистилось после дождя, и редкие лучи солнца пробивались сквозь облака, заставляя мокрый асфальт блестеть. Лиам я заметил сра-

зу. Он стоял возле входа вместе с Эвелин. Между ними находился продавец, державший в руках гитару. Даже издали было видно, что инструмент дорогой. Корпус из тёмного дерева блестел под светом витрины. Металлические колки сверкали как серебро.

Лиам осторожно провёл пальцами по струнам, и даже через закрытую дверь магазина до меня донеслась короткая вибрация звука. Эвелин наблюдала за ним с улыбкой. Так обычно смотрят на человека, который наконец получил что-то, о чём давно мечтал. Я заглушил двигатель и вышел из машины. В этот момент Лиам поднял голову.

— Элиот!

Он широко улыбнулся и поднял гитару.

— Смотри, что я только что купил.

По выражению его лица было件нятно, что следующие полчаса он собирается рассказывать об этой гитаре больше, чем некоторые люди рассказывают о собственной жизни.

Кабинет профессора Лэнгли находился на последнем этаже корпуса искусств. Пока мы поднимались по лестнице, я чувствовал себя всё менее уверенно. Странно.

После разговора с деканом медицинского факультета мне казалось, что хуже уже не будет. Но сейчас я почему-то нервничал гораздо сильнее. Наверное потому, что медицина никогда не была моей мечтой. А это было.

Лиам шёл рядом, неся новую гитару в чехле за спиной.

— Ты выглядишь так, будто идёшь на казнь.

— Возможно, так и есть.

— Если что, я скажу, что идея моя.

— Тогда нас выгонят обоих.

— Справедливо.

Он усмехнулся. Я не ответил. Чем ближе мы подходили к кабинету Лэнгли, тем сильнее я чувствовал знакомое напряжение. Потому что одно дело — мечтать. Совсем другое — произнести свою мечту вслух.

Когда дверь открылась, профессор уже ждал нас. За окном кабинета виднелись холмы Итаки. Небо постепенно светлело после дождя, и сквозь облака пробивался холодный осенний свет. Лэнгли пригласил нас сесть. Лиам устроился рядом со мной. Профессор несколько секунд внимательно изучал нас обоих. Затем посмотрел на меня.

— Итак, Элиот.

Я почувствовал, как напряглись плечи.

— Да.

— Расскажите мне, зачем вам этот кружок.

Вопрос оказался неожиданно сложным. Я открыл рот. Закрыл. Посмотрел в окно. На деревья. На ветер. На мокрые крыши города.

— Потому что я не хочу потерять рисование.

Лэнгли ничего не записывал. Просто слушал.

— Это хобби?

Я покачал головой.

— Нет.

— Тогда что?

Вопрос заставил меня задуматься. Я никогда не пытался объяснить это словами.

— Не знаю.

— Попробуйте.

Я глубоко вдохнул.

— Когда я рисую. . . всё становится понятнее.

Профессор слегка наклонил голову.

— Продолжайте.

Я посмотрел на собственные руки.

— Иногда люди думают, что художники создают что-то новое. Но мне всегда казалось, наоборот. Будто рисунок уже существует где-то внутри, а ты просто пытаешься его найти.

В кабинете стало тихо. Даже Лиам перестал улыбаться.

— Когда я рисую человека, — продолжил я, — я пытаюсь увидеть не лицо. А то, что скрывается за ним.

Лэнгли кивнул.

— Интересно.

— Я не умею объяснять.

— Напротив.

Он впервые улыбнулся.

— Вы объясняете гораздо лучше, чем думаете.

Я почувствовал лёгкое смущение. Профессор сложил руки на столе.

— Хорошо. Тогда другой вопрос.

Я приготовился.

— Чему именно вы собираетесь учить людей?

На этот раз я ответил не сразу. Потому что именно этого вопроса боялся больше всего. Чему я могу кого-то научить? Мне восемнадцать. Я студент-первокурсник. Меня только сегодня декан назвал человеком, неспособным ни на что. Что я вообще могу предложить другим? Наверное, Лэнгли заметил мои сомнения. Потому что заговорил раньше, чем я успел ответить.

— Большинство людей считает, что преподавать можно только после того, как станешь мастером.

Я поднял взгляд.

— Разве это не так?

— Нет.

Он покачал головой.

— Иногда лучший преподаватель — это человек, который сам находится в процессе поиска.

Лиам одобрительно кивнул.

— Вот именно.

Лэнгли продолжил:

— Так что я спрашиваю ещё раз. Чему вы можете научить?

Я долго молчал.

Потом наконец сказал:

— Смотреть.

Профессор улыбнулся.

— Смотреть?

— Да.

Я сам удивился собственному ответу. Но чем больше говорил, тем увереннее себя чувствовал.

— Большинство людей не видит того, что находится прямо перед ними. Они смотрят на дерево и видят дерево. На человека и видят человека.

Я вспомнил рисунок девушки. Золотое поле. Свет. Глаза.

— А рисование начинается тогда, когда ты замечаешь детали.

Я посмотрел в окно.

— Свет. Тени. Настроение. То, как человек держит руки. Как смотрит. О чём молчит.

Лэнгли внимательно слушал.

— И этому можно научить?

— Думаю, да.

— А технике?

— Тоже.

Теперь слова шли легче.

— Основам композиции. Работе с формой. Перспективе. Скетчам. Наблюдению. Я могу помочь людям перестать бояться рисовать плохо. Потому что сам боюсь этого каждый день.

Несколько секунд профессор молчал. Потом неожиданно посмотрел на Лиаму.

— А вы что думаете?

Лиам усмехнулся.

— Я думаю, что Элиот сам не понимает, насколько хорош.

— Часто бывает.

— Очень часто.

Профессор откинулся на спинку кресла. Солнечный свет скользнул по его столу.

— Хорошо.

Я замер.

— Что?

— Думаю, стоит попробовать.

Несколько секунд я просто смотрел на него. Не до конца понимая смысл сказанного.

— Правда?

— Да.

Лэнгли открыл ежедневник.

— После осенних каникул. Раз в неделю. Пробное занятие. Если будет интерес студентов — продолжим. Если нет, будем думать дальше.

Я почувствовал, как внутри что-то медленно расправляет крылья. Осторожно. Недоверчиво. Но расправляет.

— И руководителем будете вы, мистер Хоторн.

Я невольно усмехнулся. Звучало почти нереально.

— Спасибо.

— Не благодарите.

Лэнгли закрыл ежедневник.

— Теперь всё зависит только от вас.

Когда мы вышли из корпуса искусств, день уже клонил-

ся к вечеру. Небо над Итакой постепенно очищалось от облаков. Солнечный свет ложился на старые университетские здания, окрашивая их в тёплые золотистые оттенки. Некоторое время мы с Лиамом просто шли молча. Я до сих пор не мог поверить, что всё получилось. Что это вообще произошло. Что кто-то впервые не сказал мне, кем я должен стать. А спросил, кем я хочу быть. И почему-то именно это казалось самым важным.

Я до сих пор не мог поверить в произошедшее. Наверное, поэтому всё время улыбался, внутри стало легче. Так бывает после долгого подъёма в гору, когда наконец находишь место, где можно остановиться и перевести дыхание.

— Ты сейчас выглядишь счастливым, — заметил Лиам.

— Разве?

— Да. Страшновато даже.

Я усмехнулся.

— Спасибо за поддержку.

— Всегда пожалуйста.

Некоторое время мы шли вдоль старых клёнов, листья которых уже начали желтеть. Сквозь ветви пробивалось солнце, оставляя на дорожке золотистые пятна света.

— Если честно, — сказал я, — мне всё ещё кажется, что профессор ошибся.

— В чём?

— Во мне.

Лиам закатил глаза.

— Опять начинаешь.

— Я серьёзно.

Я посмотрел вперёд. Где-то вддали виднелась башня библиотеки. Студенты спешили между корпусами. Но почему-то именно сейчас мне хотелось сказать это вслух.

— Иногда мне кажется, что люди видят во мне что-то, чего на самом деле нет.

— Например?

— Не знаю. Талант. Уверенность. Способность чему-то учить.

Лиам засмеялся.

— Элиот, ты художник.

— И что?

— А то, что вы все одинаковые.

— Спасибо.

— Это был комплимент.

Я покачал головой.

Лиам продолжал улыбаться.

— Серьёзно. Художники постоянно думают, что недостаточно хороши.

— Потому что это правда.

— Нет. Потому что вы видите собственные ошибки лучше остальных.

Возможно, в его словах что-то было.

— Всё равно страшно.

— Значит, дело действительно важно.

Эта мысль мне понравилась. Настолько, что я даже запомнил её.

Мы свернули на аллею, ведущую к центральной площади кампуса. Вокруг уже вовсю готовились к вечернему празднику. Рабочие собирали сцену. Волонтёры развешивали баннеры. Откуда-то доносилась музыка.

Лиам шёл рядом, сунув руки в карманы.

Потом неожиданно спросил:

— Кстати, а с кем ты сейчас живёшь?

Я удивлённо посмотрел на него.

— Почему спрашиваешь?

— Просто интересно.

Я пожал плечами.

— Сосед по дому.

— Тем самым Нейтом?

— Да.

Лиам кивнул. Но почему-то не сразу продолжил разговор.

— И как тебе?

Вопрос оказался сложнее, чем выглядел. Потому что ещё неделю назад ответ был бы простым. Теперь уже нет.

— Не знаю.

— Это не ответ.

— Тогда. . . сложно.

Лиам посмотрел на меня внимательнее.

Я вздохнул.

— Иногда мне кажется, что он отличный человек.

— А иногда?

Я вспомнил утро возле дома. Пьяного Нейта. Разбитые ко-
стляшки. Звонки его сестры Лоры. Разговоры на кухне.

— А иногда кажется, что он постепенно разрушает соб-
ственную жизнь.

Лиам ничего не сказал. Лишь кивнул. Словно услышал
именно то, что ожидал.

— Будь осторожнее с ним.

Я посмотрел на него.

— В каком смысле?

— В прямом.

— Не понимаю.

Лиам усмехнулся.

— Конечно.

— Правда не понимаю.

— Хорошо.

Он отвёл взгляд.

— Тогда просто запомни.

Я почувствовал лёгкое раздражение.

— Ты говоришь загадками.

— Потому что не люблю лезть в чужие дела.

— Какие ещё дела?

— Любые.

Я покачал головой. Лиам явно не собирался продолжать
эту тему. И почему-то это раздражало ещё сильнее. Некото-
рое время мы шли молча. Потом он сам сменил тему.

— Ты идёшь сегодня на праздник?

— Наверное.

— Наверное?

— Я ещё думаю.

Лиам рассмеялся.

— Там будет половина университета.

— Именно поэтому я сомневаюсь.

— А вторая половина будет делать вид, что не хотела приходить.

Я невольно улыбнулся.

— Очень вдохновляющая реклама мероприятия.

— Подожди. Я ещё не закончил.

Он театрально поднял палец.

— Концерты. Еда. Студенты. Новые знакомства.

— Уже звучит хуже.

— И наше выступление.

— Вот это аргумент.

— Наконец-то.

Мы продолжили идти через кампус, постепенно приближаясь к центральной площади. Над университетом начинал разливаться мягкий осенний вечерний свет.

Лиам махнул кому-то рукой.

— Вон наши.

Неподалёку, возле фонтана, собралась компания человек из шести. Я узнал Эвелин. Остальных видел впервые. Когда мы подошли ближе, Лиам начал представлять меня.

— Это Джош.

Высокий парень с кудрявыми волосами кивнул.

— Сара.

Невысокая девушка с фотоаппаратом на шее улыбнулась мне.

— Мэтт.

— Привет.

— И Коди.

Последний выглядел старше остальных. Худой, с длинными тёмными волосами, собранными в хвост, и каким-то слишком внимательным взглядом. Он смотрел на меня дольше других. Будто пытался что-то понять.

— Так это и есть новый сосед Блэквуда?

Я слегка нахмурился.

— Да.

Коди усмехнулся. Словно вспомнил шутку, понятную только ему.

— Интересно.

Лиам сразу бросил на него предупреждающий взгляд.

— Даже не начинай.

— Что?

— Я серьёзно.

Коди поднял руки.

— Я ничего не сказал.

Но говорил он именно тем тоном, которым люди обычно говорят вещи, которые лучше бы не говорить. Я почувство-

вал лёгкое напряжение.

— Ты знаешь Нейта? — спросил я.

— Конечно знаю.

Он снова смеялся.

— Мы старые друзья.

Почему-то слова "старые друзья" прозвучали неприятно.

— И давно?

— Достаточно давно, чтобы помнить версии Нейта, о которых он сам предпочитает забывать.

Лиам тяжело вздохнул.

— Коди. . .

— Что? Это правда.

Я посмотрел на него внимательнее.

— Что ты имеешь в виду?

Он пожал плечами.

— Ничего особенного. Несколько секунд помолчал. Потом добавил:

— Просто если однажды увидишь его танцующим на крыше чужой машины в три часа ночи, не удивляйся.

Компания засмеялась.

Кроме меня.

И Лиама.

— Это была всего одна машина, — продолжил Коди.

— Две, — поправил кто-то.

— Ну ладно, две.

Я почувствовал, как внутри появляется знакомое непри-

ятное ощущение. Не злость. Тревога. Потому что шутки были смешными для людей, которые наблюдали со стороны. Но я видел Нейта вчера утром. Видел его взгляд. Слышал разговоры о том, как он пытается взять свою жизнь под контроль. И почему-то не хотел, чтобы над этим смеялись. Лиам заметил выражение моего лица.

— Не обращай внимания.

Но Коди уже продолжал.

— Кстати, раз уж речь зашла о Блэквуде. . .

Он посмотрел на меня.

— Он ведь сегодня не собирается на праздник.

— Что?

— Ты не знал?

Я почувствовал, как внутри всё сжалось.

— Нет.

Коди удивлённо поднял брови.

— Странно.

— Почему?

— Потому что у него свои планы.

Повисла короткая пауза. Я ждал продолжения. И оно последовало.

— У Нейта сегодня будет собственная вечеринка.

Кто-то из компании закатил глаза. Кто-то усмехнулся. А мне почему-то стало не по себе.

— Какая ещё вечеринка?

— Обычная.

Коди пожал плечами.

— Люди. Музыка. Алкоголь.

Он посмотрел на Лиама.

— Ну ты понимаешь.

Лиам явно был недоволен этим разговором.

— Коди.

— Да что опять?

— Хватит.

— Я просто рассказываю.

Но я уже почти не слушал их. Перед глазами всплыло утро. Пьяный Нейт возле дома. Его обещание. То, как серьёзно он говорил, что хочет изменить свою жизнь. И теперь. . . Вечеринка?

Я достал телефон. Открыл переписку. Последнее сообщение от Нейта было ещё днём. Ничего нового. Никаких упоминаний о гостях. Никаких планов. Странно. Очень странно.

— Элиот?

Голос Лиама заставил меня поднять голову.

— Всё нормально?

Я убрал телефон.

— Да.

Соврал. Потому что на самом деле мне всё меньше нравилось то, что я слышал. И хуже всего было то, что я не понимал, почему меня это вообще волнует. Неделю назад я бы только обрадовался лишнему поводу держаться подальше от Нейта Блэквуда. Теперь же мысль о том, что он снова соби-

рается устроить очередную катастрофу, не давала мне покоя.

Солнце медленно опускалось за университетские корпуса. До начала праздника оставалось меньше часа. А я всё чаще поглядывал на телефон, будто ожидал сообщения, которое могло бы объяснить происходящее.

К тому моменту, когда праздник официально начался, на центральной площади университета собралась, кажется, половина Итаки. Повсюду горели гирлянды. На сцене проверяли звук музыканты. Студенты заполняли лужайки перед корпусами, сидели на ступенях, стояли группами возле столов с едой и напитками. В воздухе смешались запах мокрой травы, кофе и приближающейся осени.

Со стороны всё выглядело именно так, как должны выглядеть лучшие годы жизни. Но почему-то мне становилось всё неуютнее.

Мы с Лиамом стояли недалеко от сцены, когда к микрофону вышел декан Бреннан. Даже на расстоянии я сразу узнал его фигуру. Толпа постепенно стихла.

— Добро пожаловать в новый учебный год. . .

Дальше последовали аплодисменты. Я засунул руки в карманы куртки и уставился куда-то поверх сцены. Бреннан говорил долго. О будущем. О возможностях. О том, как каждый студент важен для университета. О том, что здесь помогают раскрывать таланты.

Чем дольше я слушал, тем сильнее внутри поднималось раздражение. Всего несколько часов назад этот же человек

сидел напротив меня и говорил, что люди вроде меня обычно ни на что не способны. Теперь же он рассказывал сотням студентов о том, как университет верит в каждого. Толпа аплодировала. Некоторые даже искренне.

Когда речь закончилась, площадь снова наполнилась разговорами и музыкой. Лиам почти сразу исчез куда-то к сцене вместе с Эвелин. Я остался один среди толпы. И почему-то первым делом начал искать взглядом Мэделин. Сам не знал зачем. Возможно потому, что после разговора Коди неприятное чувство внутри так и не исчезло.

Нашёл я её довольно быстро. Она стояла возле одного из фонарей вместе с двумя девушками.

Свет лампы падал на её светлые волосы, а сама она выглядела удивительно спокойной для человека, который ещё недавно кричал на Нейта посреди гостиной.

Несколько секунд я колебался. Потом всё-таки подошёл. Она заметила меня сразу.

— Ты Элиот, кажется.

— Привет.

Её подруги тактично отошли в сторону. Мэделин внимательно посмотрела на меня.

— Ты что-то хотел спросить?

— Да.

Я не стал ходить вокруг темы.

— Что происходит с Нейтом?

Её лицо изменилось. Она отвела взгляд.

— Почему ты спрашиваешь?

— Потому что он не отвечает.

— Это на него похоже.

— Не настолько.

Оня тяжело вздохнула.

— Мы расстались.

На секунду мне показалось, что я ослышался.

— Что?

— Несколько дней назад.

Вокруг нас играла музыка. Смеялись люди. Но мне вдруг стало очень тихо. Сразу многое встало на свои места. Ночная пьянка. Исчезновения. Его состояние.

— Он не говорил.

Мэделин грустно улыбнулась.

— Конечно не говорил.

Я смотрел на неё и вдруг понял, что вижу её не злой, , раздраженной, или обвиняющей. Просто уставшей.

— Ты знаешь, где он сейчас?

Она покачала головой.

— Нет.

— Совсем?

— Совсем.

— Коди говорил про какую-то вечеринку.

— Возможно.

Она пожала плечами.

— У Нейта всегда были люди, о существовании которых

я узнавала последней.

— Ты волнуешься за него?

Вопрос вырвался сам собой. Она посмотрела мне прямо в глаза.

— Элиот.

— Что?

— Я волновалась за него несколько лет.

Я промолчал.

— Иногда человеку недостаточно чужих переживаний.

Она опустила взгляд.

— Иногда он должен сам захотеть выбраться.

Повисла пауза. Потом Мэделин неожиданно добавила:

— Держись от него подальше.

Я нахмурился.

— Почему?

— Потому что я уже видела, как это заканчивается.

— Ты говоришь так, будто он опасен.

— Нет.

Она покачала головой.

— Он не опасен.

Это намного хуже.

— Что хуже?

Мэделин грустно улыбнулась.

— Нейт умеет делать так, что ты начинаешь переживать за него больше, чем он сам переживает за себя.

После этих слов она ушла. А я остался стоять среди шум-

ного праздника. И почему-то понял Нейта. По-настоящему. Если бы несколько дней назад я потерял человека, которого любил со школы, наверное, мне тоже не хотелось бы смотреть в глаза окружающим. Наверное, мне тоже хотелось бы исчезнуть.

Я достал телефон. Набрал его номер. Никто не ответил. Потом начал искать номер Лоры. Нашёл не сразу. Когда она ответила, я услышал в голосе усталость.

— Элиот?

— Привет.

— Что-то случилось?

— Нет. . . наверное.

Я сам не был уверен.

— Ты говорила с Нейтом?

На другом конце повисла пауза.

— Нет.

— Давно?

— Несколько дней назад.

Мне стало холодно. Несмотря на толпу. Несмотря на музыку. Несмотря на сотни людей вокруг.

— Он не отвечает никому?

— Мне точно нет.

Лора вздохнула.

— После очередной ссоры он просто исчез.

— Какой ссоры?

— Семейной.

Её голос стал тише.

— Элиот, если найдёшь его, скажи, что мама переживает.

Я пообещал. Закончил разговор. И посмотрел на сцену. Лиам уже готовился к выступлению. Толпа становилась всё больше, музыка начинала играть громче.

Праздник только начинался, но мне вдруг стало абсолютно всё равно. Внутри росло ощущение, которое невозможно объяснить логически. Что-то было не так. Слишком много людей не могли найти Нейта. Слишком много совпадений собиралось в одну картину.

Я развернулся и пошёл к парковке, почти бегом. Через несколько минут двигатель Chevrolet ожил подо мной. Фары прорезали наступающие сумерки. Я выехал с территории университета и направился домой. Впервые за всё время в Итаке мне хотелось оказаться там как можно быстрее.

Всю дорогу домой я ехал слишком быстро.

Огни вечерней Итаки проносились за окнами размытыми пятнами света. Музыка была выключена. Телефон лежал рядом на пассажирском сиденье. Мысли путались всё сильнее с каждым километром.

Пока я ехал, в голове успела родиться сотня вариантов. Нейт опять напился. Нейт попал в неприятности. Нейт где-то с теми странными друзьями. Нейт снова разрушает собственную жизнь.

Чем ближе был дом, тем хуже становилось это чувство. Поэтому, когда я подъехал к крыльцу и увидел свет на кух-

не, внутри неожиданно появилась злость. Настоящая. Почти облегчение, превратившееся в раздражение.

Я резко захлопнул дверь машины и вошёл в дом. Внутри было тихо. Никакой музыки, гостей, вечеринки. Только обычный вечерний полумрак.

Из кухни доносился запах чеснока и томатного соуса. Я прошёл туда и застыл в дверях.

Нейт стоял у плиты. В старой серой футболке, с бутылкой пива на столешнице. Он спокойно помешивал пасту в кастрюле и выглядел так, словно весь мир находился на своих местах. Словно последние несколько часов не заставили меня обзвонить половину города.

— Привет, — сказал он.

Я смотрел на него несколько секунд.

Потом медленно выдохнул.

— Ты издеваешься?

Нейт повернулся.

— Что?

— Что значит "что"?

— Элиот. . .

— Почему ты не берёшь трубку?

Он моргнул.

— Я был дома.

— Я знаю, где ты был!

Мой голос прозвучал громче, чем я ожидал.

Нейт нахмурился.

— Тогда в чём проблема?

— В том, что тебя никто не может найти!

Я подошёл ближе.

— Твоя сестра не знает, где ты. Твоя мать переживает. Твоя бывшая девушка понятия не имеет, что с тобой происходит. Какие-то люди рассказывают мне про вечеринки. Я звоню тебе весь вечер. А ты стоишь здесь и варишь пасту?

Нейт смотрел на меня спокойно. Это выводило из себя ещё сильнее.

— Закончил?

— Нет.

— Тогда продолжай.

Я невольно сжал кулаки.

— Зачем ты это делаешь?

— Что именно?

— Всё это. Почему не отвечаешь людям? Почему позволяешь всем переживать? Почему вокруг тебя постоянно какие-то истории? Почему ты просто не можешь вести себя нормально?

Нейт посмотрел на бутылку пива. Затем на меня.

— Потому что иначе меня никто не замечает.

Я замер. Он произнёс это слишком легко. Слишком привычно. Будто говорил не впервые.

— Что?

— Люди обращают внимание только на проблемы.

Он пожал плечами.

— Если всё хорошо, всем плевать.

— Это неправда.

— Правда.

— Нет.

Нейт усмехнулся.

— Ты сам сейчас здесь только потому, что решил, будто я опять вляпался в неприятности.

Я хотел возразить. Но не смог. Потому что часть правды в его словах была. И он прекрасно это понимал.

В этот момент я вдруг почувствовал что-то неприятное. Не жалость. Не злость. Осознание. Нейт снова делает то же самое. Говорит вещи, после которых его хочется спасти, сочувствовать, понимать. Я вспомнил слова Мэделин.

"Нейт умеет делать так, что ты начинаешь переживать за него больше, чем он сам переживает за себя. "

И, кажется, она могла быть права.

— Нет, — спокойно сказал я.

Нейт удивлённо поднял глаза.

— Что нет?

— Не получится.

— Что именно?

— Делать из себя жертву.

На кухне стало тихо. Он поставил ложку на столешницу.

— Интересно.

— Я серьёзно.

— Хорошо.

Его голос тоже стал жёстче.

— Тогда слушай.

Он сделал глоток пива. Несколько секунд молчал. А потом сказал:

— Недавно я узнал, что мой отец мне не отец.

Я замер. Нейт смотрел в окно. На тёмный двор. На отражение собственных глаз в стекле.

— Мы с Лорой не родные.

Я ничего не сказал.

— У нас разные отцы.

Повисла долгая пауза.

— И?

Он невесело усмехнулся.

— И всё.

— Всё?

— Да.

Нейт покачал головой.

— Просто однажды оказывается, что половина твоей жизни была не такой, как ты думал.

Он снова посмотрел на меня.

— Забавно, правда?

Я молчал.

— Ты рос, верил во что-то. Считал себя частью семьи. А потом выясняется, что всё немного иначе. Что кто-то знал правду раньше тебя. Что кто-то решил, что ты не заслуживаешь её знать.

Его голос оставался спокойным. Но именно это пугало больше всего.

— И это давит. Каждый день. Каждую неделю. Каждый чёртов месяц.

Я выдержал его взгляд.

— И поэтому ты уничтожаешь собственную жизнь?

Нейт нахмурился.

— Ты не понимаешь.

— Нет, понимаю.

— Не понимаешь.

Он резко отвернулся.

— У тебя нормальная семья.

Я невольно рассмеялся. Настолько неожиданно, что даже сам удивился. Нейт посмотрел на меня.

— Что смешного?

— Нормальная семья?

Я покачал головой.

— Ты серьёзно?

— Да.

— Ты вообще ничего не знаешь.

Он молчал. И я продолжил. Потому что впервые за долгое время устал делать вид, будто всё хорошо.

— Моя сестра понятия не имеет, где я живу.

Нейт нахмурился.

— Что?

— Она думает, что я в общежитии.

Я почувствовал, как голос становится холоднее.

— Она даже не знает, что я живу в одном доме с человеком, который периодически приходит домой пьяным.

— Элиот. . .

— Нет.

Теперь уже я перебил его.

— Ты говоришь про хорошую семью так, будто видел её.

— А разве нет?

— Нет.

Я посмотрел ему прямо в глаза.

— Моя мать хотела, чтобы я стал врачом. Не художником. Не собой. Врачом. Моя сестра занята собственной жизнью. Мой отец исчез много лет назад. А когда родились близнецы, я вдруг понял, что меня постепенно превращают в запасного родителя.

Нейт молчал.

— Так что не рассказывай мне про идеальную семью.

Я устал это слушать. На плите тихо кипела вода. За окнами сгущалась ночь. И впервые за всё время нашего знакомства мне показалось, что мы перестали разговаривать как люди, которые пытаются впечатлить друг друга.

Остались только две правды. Его. И моя. И ни одна из них не выглядела особенно красивой.

Поднявшись к себе, я закрыл дверь и остановился посреди комнаты. Внизу остался Нейт. Наверное, он всё ещё сидел на кухне со своим пивом и недоваренной пастой, продолжая

жить так, будто весь мир обязан подстраиваться под его проблемы. От этой мысли стало тяжело.

За окном медленно темнело. Ветер качал ветви деревьев, и их тени скользили по потолку, превращая комнату в нечто похожее на старую картину. Где-то далеко ещё продолжался праздник в университете. Иногда до меня долетали обрывки музыки, и тогда становилось особенно заметно, насколько тихо было здесь.

Я сел на кровать и посмотрел в окно. Когда мама оставила меня в этом доме, Нейт Блэквуд казался человеком, на которого хотелось быть похожим. Он жил самостоятельно, ездил на своей машине, распоряжался собственными деньгами и выглядел так, словно давно разобрался в жизни. Мне казалось, что именно так выглядит свобода. Теперь всё это выглядело иначе. Свобода оказалась больше похожа на бегство.

Я вспомнил нашу первую поездку по Итаке, разговоры о будущем, его советы насчёт университета. Вспомнил, как он предлагал познакомиться меня со своей девушкой, как рассказывал о своих ошибках. Тогда всё это казалось честностью. Теперь я уже не был в этом уверен.

Каждый раз рядом с Нейтом находилась причина, по которой его следовало пожалеть. Девушка. Семья. Учёба. Алкоголь. Деньги. Отец. Что-то происходило постоянно. И каждый раз я ловил себя на том, что перестаю злиться и начинаю оправдывать его. Мэделин была права. Нейт умел делать так, что его проблемы постепенно становились проблемами

окружающих.

Я откинулся на подушку и закрыл глаза. Самым неприятным было то, что я понимал, почему попался на это. Дело было не в Нейте. Дело было во мне.

Наверное, где-то глубоко внутри я всегда хотел иметь старшего брата. Не родственника, а человека, рядом с которым можно чувствовать себя менее одиноким. Человека, который уже прошёл через те ошибки, которые тебе ещё только предстоят. Человека, который сможет объяснить, как устроена жизнь, когда сам ты ещё не успел в ней разобраться.

Нейт идеально подошёл на эту роль. Именно поэтому я так переживал, когда он пропал, поэтому звонил ему снова и снова, сорвался с праздника и помчался домой. Мне казалось, что так и должна выглядеть дружба. Но лежа в полутёмной комнате, я неожиданно посмотрел на ситуацию с другой стороны.

А просил ли Нейт вообще о дружбе? Или ему просто нравилось, когда рядом есть кто-то, готовый переживать за него? От этой мысли стало не по себе. За окном снова доносилась музыка.

Я представил Лиама, Эвелин и остальных ребят. Сейчас они наверняка стояли возле сцены, смеялись, спорили о музыке или строили планы на следующий концерт. Возможно, Лиам уже рассказывал кому-то о моём кружке. Возможно, шутил над чем-нибудь. Возможно, просто хорошо проводил вечер.

И в этот момент я почувствовал раздражение. На самого себя. Потому что сегодняшний вечер принадлежал мне. Моей новой жизни, друзьям и планам. Но я почему-то отдал его человеку, которого едва знал. Я мчался через весь город, представляя аварии, драки и бог знает что ещё, а в итоге нашёл Нейта на кухне с бутылкой пива в руке.

Чем дольше я об этом думал, тем яснее становилось одно простое обстоятельство. Я слишком долго пытался спасти человека, который прекрасно умел спасать себя сам, когда ему это было действительно нужно. В комнате становилось всё темнее. Где-то внизу хлопнула дверца шкафа.

Нейт продолжал заниматься своими делами. А я лежал и смотрел в потолок, постепенно привыкая к мысли, что некоторые люди появляются в жизни не для того, чтобы стать семьёй. Иногда они нужны лишь для того, чтобы показать, какими отношения быть не должны.

ГЛАВА ПЯТАЯ. ИНЕРЦИЯ

*«На водах многих был путь Твой, и стези Твои —
в водах великих, и следы Твои неведомы. »*

— Псалтирь 76:20

С того вечера прошел месяц.

Итак за это время окончательно погрузилась в осень. Деревья вокруг кампуса медленно теряли листья, небо почти всё время оставалось серым, а воздух стал холоднее настолько, что по утрам хотелось подольше сидеть в машине, прежде чем выходить к университетским корпусам. Дождь теперь шёл почти каждый день — тихий, затяжной, словно город существовал внутри бесконечных сумерек.

Наверное, именно поэтому время начало ощущаться странно. Дни проходили, но не запоминались. Я просыпался рано утром от шума ветра за окном, ехал в университет по мокрым дорогам, сидел на лекциях среди чужих голосов и лиц, а вечером возвращался обратно в дом, который так и не стал для меня домом. Всё происходило будто автоматически, словно кто-то однажды нажал кнопку повтора, и теперь моя жизнь заиклилась на одном и том же дне.

Нейт почти исчез. Иногда я слышал, как он приходил глубокой ночью. Скрип лестницы, хлопок входной двери, ко-

роткий шум на кухне — и снова тишина. Утром его уже не было. Мы почти не разговаривали. Пару раз пересекались взглядами в коридоре или на кухне, обменивались короткими фразами, но после того вечера, между нами, словно поселилось что-то тяжёлое и невидимое.

Я больше не пытался его понимать. Наверное, просто устал. Самым неприятным было то, что вместе с разочарованием в Нейте куда-то исчезла и часть меня самого. Я перестал рисовать. Сначала на один день. Потом на два. Потом на неделю.

Блокнот лежал на столе возле окна, и каждый вечер я всё равно смотрел на него, как смотрят на человека, с которым когда-то были близки, но больше не знают, о чём говорить. Иногда я открывал его. Проводил пальцами по пустым страницам. Брал карандаш. И ничего не происходило. Раньше всё вокруг превращалось в образы. Свет фонарей на мокром асфальте. Лица людей в библиотеке. Осенний ветер. Даже одиночество имело форму, цвет и линии.

Теперь осталась только пустота. Словно вместе с рисунками из меня исчезло что-то ещё. Что-то важное.

С Лиамом я тоже почти не разговаривал. Он писал несколько раз. Спрашивал, где я пропал, почему не отвечаю, как продвигается идея с кружком. Я видел сообщения сразу, но каждый раз откладывал ответ. Иногда мне казалось, что стоит только снова увидеть Лиаму — и он моментально поймёт, что со мной происходит.

А я не хотел, чтобы кто-то это видел. Не хотел объяснять собственную усталость. Не хотел признаваться, что за два месяца в Итаке успел разочароваться почти во всём, что казалось мне важным.

По вечерам я часто лежал на кровати и слушал дождь. Он стучал по крыше, по подоконнику, по ветвям деревьев возле дома, и от этого звука город казался бесконечно далёким от всего остального мира. Иногда мне вспоминался Рочестер. Странно. Я так сильно хотел уехать оттуда, что теперь почти злился на себя за эти мысли. Но память устроена жестоко. Она всегда возвращает не то, от чего ты бежал, а то, чего тебе вдруг начинает не хватать.

Я вспоминал кухню дома ранним утром, когда мама ещё сонная готовила кофе, а Джон читал новости с планшета. Вспоминал тихое сопение близнецов в детской. Даже постоянный контроль матери теперь казался чем-то понятным и привычным. Там я хотя бы знал, кто я. Здесь же всё постепенно расплывалось.

Медицина по-прежнему ощущалась чужой жизнью. Дом Нейта — временным убежищем. Университет — огромным механизмом, которому совершенно всё равно, существую я или нет. Иногда, проходя через кампус, я ловил себя на мысли, что чувствую себя призраком среди живых людей. Вокруг кто-то смеялся, спорил, целовался под деревьями, строил планы на выходные, а я словно наблюдал за этим через толстое стекло. Отдельно. Со стороны. И хуже всего было то,

что постепенно я начал привыкать к этому ощущению.

Однажды вечером я подошёл к окну и долго смотрел на Итаку. Город тонул в дожде и тумане. Огни домов расплывались в мокром воздухе, холмы терялись в серой дымке, а деревья выглядели почти чёрными на фоне вечернего неба. Красиво. Пугающе красиво. Я вдруг подумал, что именно такой и стала моя жизнь здесь. Тихой. Холодной. И немного потерянной. Словно я всё ещё ехал по дороге из Рочестера, а настоящая Итака так и не позволила мне по-настоящему в неё приехать.

Первый снег выпал ночью. Я понял это ещё до того, как подошёл к окну. В доме стало слишком тихо. Даже ветер, который последние недели бесконечно бился в стены и стёкла, теперь звучал приглушённо, словно город укрыли толстым одеялом.

Итака побелела за несколько часов. Крыши домов, пустые улицы, старые деревья возле кампуса — всё выглядело так, будто кто-то стёр с города осень и оставил вместо неё холодную акварель. Снег делал Итаку красивее. И одновременно более одинокой.

Университет закрыли на короткие каникулы, и кампус почти опустел. Большинство студентов разъехались по домам, а те, кто остался, старались не задерживаться на улице дольше необходимого. Я почти весь день провёл в комнате. Смотрел в потолок. Листал телефон. Пытался рисовать и снова бросал карандаш через пару минут. Последние недели будто

выжали из меня всё нормальное. Даже мысли двигались лениво, словно тоже устали.

Ближе к вечеру телефон завибрировал.

"Если ты сейчас опять лежишь в темноте и делаешь вид, что у тебя сложная жизнь — одевайся. Я внизу. "

Я невольно усмехнулся. Это был Лиам. Через десять минут я уже сидел в его старом пикапе, стряхивая снег с куртки. Внутри пахло кофе, бензином и холодным воздухом.

Лиам посмотрел на меня и покачал головой.

— Господи, Хоторн, ты выглядишь так, будто тебя выгнали из собственной биографии.

— А ты выглядишь как человек, который спит по два часа.

— Так и есть.

Он протянул мне кофе.

— Держи. Пока ты окончательно не превратился в серийного убийцу из артхаусного фильма.

Я фыркнул и сделал глоток. Кофе оказался слишком горячим.

— Куда едем?

— Без понятия.

— Великолепный план.

— Лучшие решения принимаются людьми, которым ничего терять.

Он вырулил на дорогу.

Снег мягко ложился на лобовое стекло, а дворники лениво разгоняли белые хлопья в стороны. Ночная Итака вы-

глядела странно спокойной. Фонари отражались в мокром асфальте длинными золотыми полосами, а редкие машины проезжали так тихо, будто тоже боялись нарушить эту зимнюю тишину. Несколько минут мы ехали молча. Потом Лиам покосился на меня.

— Ну и что у тебя случилось?

— Ничего.

— Отлично. Значит, ты просто решил выглядеть как человек, потерявший всё имущество в пожаре.

Я усмехнулся.

— Ты всегда такой раздражающий?

— Только с избранными.

— Звучит угрожающе.

— Так и задумано.

Я отвернулся к окну.

— Просто устал.

— От чего?

Я пожал плечами.

— От людей, наверное.

Лиам тихо хмыкнул.

— Это нормально. Люди в целом ужасная концепция.

— Особенно студенты-медики.

— О, нет. Эти вообще отдельный вид насекомых.

Я рассмеялся первый раз за несколько дней. И сам удивился этому. Лиам заметил. Но ничего не сказал. Он вообще редко лез в моменты, которые стоило оставить нетронутыми.

Мы остановились возле круглосуточной закусочной на окраине города. Тёплый свет из окон падал на снег, а внутри всё выглядело так, будто время там остановилось лет двадцать назад. Красные диванчики. Музыкальный автомат в углу. Запах жареной картошки и дешёвого кофе. Мы сели возле окна.

Лиам сразу заказал две порции картошки и бургеры.

— Я не голоден, — сказал я.

— Это не предложение.

— Ты очень занудный.

— А ты слишком худой для человека с депрессией.

Я закатил глаза.

— Мне начинает казаться, что ты позвал меня только чтобы оскорблять.

— Нет. Для этого я могу позвонить.

Официантка принесла кофе. За окном продолжал идти снег.

Лиам неожиданно спросил:

— Ты вообще счастлив?

Вопрос прозвучал настолько спокойно, что я не сразу понял его смысл.

— С чего вдруг такая философия?

— Не уходи от ответа.

Я усмехнулся.

— А ты?

— Нет.

Он ответил слишком быстро. Я посмотрел на него внимательнее. Лиам сидел расслабленно, крутил стакан с кофе в руках и выглядел человеком, у которого в жизни всё проще, чем у остальных.

Но сейчас в его голосе появилась странная усталость.

— Тогда зачем спрашиваешь меня?

Он пожал плечами.

— Потому что люди любят искать у других симптомы того, от чего страдают сами.

Это было слишком правдиво.

— Знаешь, — сказал я тихо, — иногда мне кажется, что я вообще случайно оказался в этой жизни.

Лиам усмехнулся.

— Поверь, половина людей в нашем возрасте чувствует то же самое. Остальные просто хорошие актёры.

— А ты?

— Я великолепный актёр.

— Не верю.

— И правильно делаешь.

Он сделал глоток кофе.

— Мне кажется, взрослые просто соврали нам.

— В чём именно?

— Во всём.

Лиам продолжил:

— Они рассказывали, что однажды мы поймём, кем хотим стать. Что появится уверенность. Что всё встанет на свои

места.

— И?

— А потом тебе двадцать, ты ешь картошку в забегаловке ночью и понятия не имеешь, что делаешь со своей жизнью.

Я тихо рассмеялся.

— Очень вдохновляюще.

— Я музыкант. Моё предназначение — красиво разрушать чужую психику.

После закуской мы долго катались по ночному городу.

Снег усилился. Лиам включил музыку тише, и теперь в машине слышался только голос вокалиста вперемешку с шумом печки. В какой-то момент он свернул к озеру. Мы остановились возле старого моста. Снаружи было холодно настолько, что воздух казался стеклянным. Мы вышли из машины. Под ногами скрипел снег, а внизу темнела вода.

Озеро выглядело бесконечным, а снег медленно растворялся в его поверхности.

Лиам облокотился на перила.

— Красиво, да?

Я кивнул.

— Очень.

Несколько секунд мы молчали.

Потом он вдруг сказал:

— Иногда мне кажется, что такие места созданы специально для людей с проблемами.

— Почему?

— Потому что счастливые люди сидят дома.

Я усмехнулся.

— А несчастные стоят ночью на мосту и делают вид, что им нравится мёрзнуть?

— Именно.

Ветер ударил в лицо. Где-то далеко мерцали огни Итаки.

От озера мы уехали далеко за полночь. Снег всё ещё падал, но уже реже — крупными медленными хлопьями, которые растворялись в свете фар прежде, чем успевали коснуться дороги. В машине было тепло. Печка шумела слишком громко, музыка играла совсем тихо, а за окнами Итака постепенно становилась ещё более пустой и сонной.

Лиам ехал молча, постукивая пальцами по рулю в такт музыке. После разговора у озера внутри наконец стало немного тише. Просто тише. Будто мысли перестали пытаться перекричать друг друга.

— Куда теперь? — спросил я, наблюдая за снегом за окном.

— К Эвелин.

— Зачем?

— Нужно кое-что забрать.

Он ответил слишком быстро. Я покосился на него.

— Ты ужасно врешь.

Лиам усмехнулся, не отрывая взгляда от дороги.

— Это неправда.

— Нет, правда. У тебя лицо становится подозрительно до-

ВОЛЬНЫМ.

— У меня всегда такое лицо.

— Именно.

Он тихо рассмеялся.

Через пятнадцать минут мы подъехали к небольшому дому на окраине города. На крыльце уже горел свет, а возле двери стояла Эвелин в длинном тёмном пальто и шапке, из-под которой выбивались светлые волосы. В её руках был термос и дорожная сумка.

Я медленно перевёл взгляд на Лиама.

— Нет.

Он сделал вид, что не понял.

— Что "нет"?

— Даже не начинай.

Эвелин открыла заднюю дверь машины и забросила сумку внутрь.

— Он уже догадался? — спросила она, улыбаясь.

— К сожалению, да.

Я посмотрел на обоих.

— Вы двое сейчас похожи на людей, которые собираются либо похитить меня, либо втянуть в секту.

— Это зависит от твоего поведения, — спокойно сказал Лиам.

Эвелин рассмеялась и протянула мне стакан.

— Горячий шоколад. Чтобы ты не ныл всю дорогу.

— Я не ною.

— Ты буквально выглядишь как человек, которого заставили жить.

Я закатил глаза, но всё же взял стакан. Напиток оказался горячим и сладким настолько, что почти сразу стало теплее.

Лиам завёл машину.

— Ладно, теперь можно сказать ему.

— Сказать что? — спросил я с подозрением.

Он повернулся ко мне с совершенно невинным видом.

— Мы уезжаем.

— Куда?

— В Ваткинс-Глен.

Я нахмурился.

— Это где вообще?

— Маленький городок возле озера Сенека. Горы, лес, ущелья, водопады. Всё как любят люди с психологическими проблемами.

— Очень смешно.

— Я стараюсь.

Эвелин перегнулась между сиденьями.

— Мы сняли домик на две ночи.

Я моргнул.

— Вы сняли что?

— Домик.

— На две ночи.

— Это я уже услышал.

Лиам невозмутимо пожал плечами.

— Ты последние недели выглядишь так, будто тебя медленно убивает собственное существование. Мы решили вмешаться.

Я несколько секунд смотрел на дорогу впереди. Потом тихо выдохнул. И почему-то даже не попытался спорить. Может быть потому, что возвращаться домой действительно не хотелось. Или потому, что за долгое время кто-то просто решил забрать меня из моей собственной головы, не требуя ничего взамен.

Лиам прибавил музыку. Машина выехала за пределы Итаки. Город постепенно растворялся позади в снегу и темноте, а впереди оставалась только длинная дорога среди холмов, редкие фонари и чёрные силуэты деревьев по краям трассы.

— Только сразу предупреждаю, — сказал Лиам спустя какое-то время, — если ты начнёшь драматично смотреть в окно под музыку, я высажу тебя посреди леса.

— Тогда Эвелин останется без третьего пассажира.

— Нет, — спокойно ответила она с заднего сиденья. — Мы просто подберём другого грустного мальчика в Итаке. Их там полно.

Я невольно рассмеялся. Без усилия. И от этого внутри что-то дрогнуло. словно организм за последние недели почти забыл, как это ощущается. Снег за окнами становился гуще.

Трасса уходила вперёд через тёмные холмы Нью-Йорка, а редкие заправки и мотели мелькали среди ночи как случайные островки света.

— Знаешь, — сказал Лиам, не отрывая взгляда от дороги, — мне всегда казалось странным, что люди уезжают куда-то, чтобы "найти себя".

— Почему?

— Потому что обычно ты находишь себя в три часа ночи в машине, когда слишком устал врать.

Я усмехнулся.

— Очень поэтично для басиста.

— Не порть мой имидж. Я пытаюсь выглядеть тупым музыкантом.

Эвелин фыркнула сзади.

— У тебя отлично получается.

— Спасибо за поддержку, любовь моя.

Я смотрел на дорогу впереди и понял, что думаю ни о Нейте, ни о доме, ни о матери. Только о снеге. О тёплом воздухе в машине. О музыке. И о странном ощущении, будто жизнь наконец перестала давить на грудную клетку так сильно, как последние недели. Иногда человеку действительно нужно просто уехать. Пусть даже всего на два дня.

Мы всё ещё были в Итаке.

Снег становился гуще с каждой минутой, медленно засыпая улицы и припаркованные машины. Город выглядел непривычно тихим — будто после первого снега все решили говорить вполголоса. Фонари расплывались в белом воздухе золотыми пятнами, а пустые дороги блестели от талого снега.

Я сидел на пассажирском сиденье и постепенно начинал

осознавать, насколько странной была вся эта ситуация. Через несколько часов мы должны были уехать на два дня. Куда-то в горы. Посреди ночи. А у меня с собой даже не было нормальных вещей.

Наконец я повернулся к Лиаму.

— Ты вообще понимаешь, насколько это странно?

Он коротко посмотрел на меня и снова перевёл взгляд на дорогу.

— Что именно?

— То, что ты буквально решил за меня, что мне нужно исчезнуть из города.

— Не исчезнуть. Временно сменить локацию для твоей трагичной внутренней жизни.

— Очень смешно.

— Я стараюсь.

Я покачал головой.

— Ты мог предупредить заранее.

— Тогда бы ты начал думать.

— Это обычно полезно.

— Не всегда.

Он чуть улыбнулся уголком губ.

— Иногда люди слишком долго думают, а потом остаются там же, где были.

За окнами медленно проплывали знакомые улицы Итаки. Почти пустой кампус. Закрытые кофейни. Старые дома на холмах. Всё выглядело одновременно красивым и каким-то

далёким.

— И всё-таки это странно, — тихо сказал я.

— Что именно?

— То, что вы вообще решили взять меня с собой.

Лиам на секунду задумался.

— Эвелин считает, что ты похож на человека, которому срочно нужен горячий шоколад и природа.

— А ты?

Он усмехнулся.

— А я считаю, что ещё неделя в твоей комнате — и ты начнёшь писать философские цитаты у себя на стенах.

— Возможно, это был мой план.

— Вот именно поэтому мы тебя и похитили.

С заднего сиденья послышался голос Эвелин:

— Господи, вы двое разговариваете как разведённая пара.

— Это оскорбительно, — сказал Лиам.

— Для кого именно? — спокойно спросила она.

Я почувствовал, как напряжение внутри немного отпускает. Эвелин наклонилась вперёд между сиденьями.

— Ладно. Проблема решается очень просто.

— Мне уже страшно, — сказал Лиам.

— Заезжай в Wegmans.

— Зачем?

— Мне нужны сладости в дорогу.

— У тебя уже есть сладости.

— Это был эмоциональный перекус. А теперь мне нужны

стратегические запасы.

Лиам тихо фыркнул.

— Ты ужасный человек.

— Но весёлый.

Через несколько минут машина свернула на парковку почти пустого ночного Wegmans. Огромные окна магазина светились в снегу слишком ярко и тепло. Несколько машин стояли возле входа, а снег медленно кружился под фонарями, превращая парковку в размытую белую картинку. Когда мы вышли из машины, холод сразу ударил в лицо. Я поднял воротник куртки, а Эвелин посмотрела на меня и нахмурилась.

— Нет.

— Что?

— Ты точно не едешь в горы в одной толстовке.

— Почему все сегодня обсуждают мою одежду?

— Потому что твой стиль выглядит как "мне больно, но эстетично".

Лиам рассмеялся.

— Господи, это идеально.

— Вы оба невозможны.

— Неправда, — спокойно сказал Лиам, открывая двери магазина. — Мы буквально тратим своё время, чтобы спасти тебя от твоего собственного характера.

Тёплый воздух супермаркета сразу окутал нас запахом кофе, выпечки и чего-то сладкого. Внутри почти никого не было. Несколько студентов бродили между рядами с энергетикой.

ками и замороженной едой, а где-то под потолком тихо играла музыка. Эвелин сразу исчезла в отделе со сладостями. Я медленно шёл рядом с Лиамом между рядами одежды и дорожных вещей.

— Ты правда думаешь, что я слишком зациклен на Нейте?

— спросил я спустя какое-то время.

Лиам сунул руки в карманы куртки.

— Я думаю, что ты слишком быстро начинаешь чувствовать ответственность за людей.

— Это плохо?

Он ненадолго задумался.

— Нет.

Потом чуть тише добавил:

— Пока ты не забываешь о себе.

Почему-то именно рядом с ним такие разговоры не раздражали. Наверное потому, что Лиам никогда не говорил так, будто знает мою жизнь лучше меня. Он просто замечал вещи. Иногда слишком точно. Лиам остановился возле стеллажа с толстовками и снял одну с вешалки. Серую, большую и тёплую.

— Вот эта нормальная.

Я посмотрел на него.

— Ты сейчас выбираешь мне одежду?

— Конечно.

— Почему?

Он пожал плечами.

— Потому что если оставить тебя одного, ты выберешь что-нибудь чёрное и будешь выглядеть как студент, которого отчислили за слишком грустное существование.

Я тихо рассмеялся. И это получилось легко.

Эвелин исчезла среди рядов так быстро, будто готовилась к концу света исключительно с помощью сахара. Когда мы нашли её спустя десять минут, в руках у неё уже была огромная корзина, доверху забитая шоколадом, мармеладом, чипсами и какими-то яркими упаковками, на которые невозможно было смотреть серьёзно.

Лиам остановился возле неё и медленно оглядел содержимое корзины.

— Ты собираешься пережить в лесу ядерную зиму?

— Я собираюсь не умереть от скуки.

— Там будем мы.

— Именно поэтому мне нужны сладости.

Я тихо усмехнулся и пошёл дальше вдоль рядов с одеждой.

В итоге я всё-таки взял пару вещей: толстовку, тёплые носки, футболку и зубную щётку, потому что Лиам последние десять минут делал вид, что без неё меня не пустят обратно в цивилизацию.

Когда мы двинулись к кассам, магазин казался ещё более пустым и тихим. Под потолком всё так же играла музыка, а снег за огромными окнами продолжал медленно кружиться под светом парковочных фонарей.

Именно поэтому я заметил Нейта почти сразу.

Нейт стоял возле холодильников с напитками, лениво разглядывая ряды банок с энергетиками. На нём была тёмная куртка и чёрная толстовка с натянутым капюшоном. Он выглядел уставшим, но трезвым — и уже это почему-то казалось непривычным.

Когда он заметил нас, взгляд сначала остановился на Лиаме, потом на Эвелин с её переполненной корзиной, и только потом — на мне.

— Вы реально ограбили отдел сладостей. — сказал он спокойно.

Эвелин даже не смутилась.

— Это дорога. Там действуют другие законы.

Нейт кивнул на пакеты в моих руках.

— А ты что, добровольно пошёл с ними?

— Уже поздно делать вид, что у меня был выбор.

— Разумно.

Я чуть замялся.

— Мы едем в Ваткинс-Глен на пару дней.

Почему-то я ждал паузы. Какого-нибудь взгляда. Хотя бы короткого: "И ты даже не сказал?"

— Неплохое место.

И всё. Это спокойствие моментально показалось мне странным. Слишком спокойным для человека, который ещё неделю назад не хотел оставаться дома один даже на вечер.

— Ты нормально к этому относишься? — спросил я осто-

рожно.

Нейт перевёл на меня взгляд.

— К чему именно?

— Ну... к тому, что я уезжаю.

Он несколько секунд смотрел на меня, а потом тихо усмехнулся.

— Элиот, ты едешь отдыхать на два дня, а не уходишь в армию.

Лиам рядом фыркнул. Нейт снова посмотрел на меня.

— Серьёзно, Хоторн. Поезжай. Тебе полезно иногда переставать выглядеть так, будто ты круглосуточно думаешь о смысле жизни.

— Я не выгляжу настолько плохо.

— Ты вчера десять минут смотрел в окно с кружкой кофе.

— Это нормальное человеческое поведение.

— Нет. Это поведение человека, которого уже мысленно озвучивает грустная инди-музыка. — подметила Эвелин.

Я невольно рассмеялся. Нейт чуть улыбнулся в ответ. И именно от этого внутри стало не по себе. Будто он специально делал разговор легче, чем было на самом деле.

— В общем, — сказал он спокойнее, — отдохни там нормально.

Я медленно кивнул.

— А ты?

— А что я?

— Ты будешь дома?

Нейт пожал плечами.

— Наверное.

Ответ прозвучал слишком неопределённо.

Но прежде чем я успел что-то спросить, он уже смотрел в сторону касс.

— Идите уже. Иначе Эвелин скупит весь магазин.

— Поздно, — невозмутимо сказала она. — Я близка к этому.

Нейт отошёл к холодильникам, а я ещё несколько секунд смотрел ему вслед, пытаюсь понять, почему после этого разговора тревоги внутри стало только больше.

Пока Эвелин выкладывала на ленту бесконечные сладости, а Лиам спорил с ней о том, существует ли предел нормального количества шоколада для двухдневной поездки, я машинально смотрел по сторонам.

И случайно заметил маленькие детские носки возле соседней стойки. Крошечные, с рисунком медведей. Перед глазами неожиданно всплыли близнецы. То, как мама отправляла мне их фотографии почти каждый день. Маленькие ладони, с онные лица. То, как Джон держал одного из них на руках с совершенно растерянным видом. В груди неприятно кольнуло чувство вины. Я ведь даже ни разу нормально не позвонил домой за последнюю неделю.

— Элиот?

Голос Лиамы вернул меня обратно. Я моргнул и перевёл взгляд на него.

— Всё нормально?

— Да.

Я быстро отвёл взгляд от полки.

— Просто задумался.

Он внимательно посмотрел на меня, но ничего не сказал. Наверное понял, что сейчас лучше не спрашивать. Через несколько минут мы снова вышли на улицу. Снег стал сильнее. Холодный воздух сразу наполнил лёгкие, а парковка выглядела почти пустой и бесконечной под белым светом фонарей.

Мы загрузили пакеты в машину. Эвелин сразу устроилась сзади среди своих сладостей. Лиам завёл двигатель. Тёплый воздух медленно начал заполнять салон. А потом Итака осталась позади окончательно. Машина выехала на ночную трассу, и впереди снова были только снег, темнота и дорога, уходящая куда-то между холмами.

— Понял теперь, почему мы не сразу поехали в горы?

Я нахмурился.

— В смысле?

— Почему мы сначала просто катались по городу.

Я покачал головой.

— Нет.

Лиам разочарованно посмотрел на меня.

— Потому что я не хотел, чтобы Нейт оказался рядом в тот момент, когда ты узнаешь про поездку.

Я повернулся к нему.

— И что бы изменилось?

— Всё.

— Очень конкретно.

— Элиот, — он тихо выдохнул, — ты бы начал думать о том, удобно ли ему будет одному. Потом решил бы, что сейчас неподходящее время. Потом почувствовал бы себя виноватым. И в итоге остался дома.

Я отвёл взгляд к окну. Неприятно было то, что я даже не мог нормально поспорить. Потому что, скорее всего, именно так бы и произошло. Эвелин с заднего сиденья чуть наклонилась вперёд.

— Я всё ещё не понимаю, почему ты так держишься за него.

Я несколько секунд молчал. Снег медленно скользил по лобовому стеклу.

— Это сложно объяснить.

— Попробуй, — спокойно сказала она.

Я улыбнулся без особой радости.

— Моя мама и сестра Нейта долго работали вместе. В какой-то юридической компании. Они дружили семьями ещё до того, как я вообще узнал Нейта нормально.

Лиам молча слушал.

— Когда мама решила, что мне обязательно нужно поступать в медицинский, почти сразу стало понятно, где я буду жить. Она хотела общежитие, но Джон был против. Да и я тоже.

Я на секунду замолчал, вспоминая тот разговор дома. Мамин голос. Её уверенность в том, что она уже всё решила правильно.

— И появился Нейт, — тихо продолжил я. — Мне постоянно говорили, что он отличный пример. Что он взрослый, самостоятельный. Что мы обязательно подружимся.

Эвелин чуть нахмурилась.

— Тебе буквально заранее придумали старшего брата.

Я кивнул.

— Да. Наверное.

Машина свернула на почти пустую улицу, покрытую снегом. Фонари расплывались в темноте мягкими пятнами.

— И ты в это поверил? — спросил Лиам.

Я смотрел в окно ещё несколько секунд, прежде чем ответить.

— Слишком сильно.

В машине стало тихо. Я сам не понимал, почему рассказываю это настолько честно. Наверное потому, что ночь, снег и дорога почему-то делали людей менее закрытыми.

— А потом я узнал его ближе, — сказал я тише. — И всё стало каким-то... другим.

— В каком смысле?

Я задумался.

Как объяснить Нейта человеку, который не жил с ним в одном доме?

— Он не плохой человек, — сказал я наконец. — Про-

сто... такое чувство, будто он постоянно тонет и делает вид, что ему нормально.

Лиам медленно махнул рукой. Будто именно это он и ожидал услышать.

— И тебе стало его жалко, — тихо закончила Эвелин.

Я не ответил сразу. Потому что это было в точку. Не дружба. Не восхищение. Жалость. И от осознания этого внутри стало почему-то тяжело.

— Наверное, — признался я наконец.

Лиам слегка постучал пальцами по рулю, глядя на дорогу впереди.

— Жалость — опасная штука, Хоторн.

— Знаю.

— Нет, не знаешь.

Он сказал это спокойно. Без осуждения.

— Иногда люди начинают путать её с привязанностью.

Я медленно опустил взгляд. После этого разговора в машине стало тихо. Не неловко — спокойно.

Эвелин что-то искала в телефоне, иногда тихо смеясь своим мыслям. Лиам сосредоточенно смотрел на дорогу, постукивая пальцами по рулю в такт едва слышной музыке. За окнами медленно исчезала Итака, растворяясь в снегу, тёмных холмах и редких огнях придорожных заправок.

А я неожиданно понял, что рядом с ними мне легче. Без необходимости что-то доказывать. Без ощущения, что я постоянно должен быть удобным, правильным или осторож-

ным. Лиам раздражал меня своей привычкой видеть людей слишком насквозь. Эвелин — своей пугающей способностью превращать даже тяжёлые разговоры во что-то тёплое и живое. Но, наверное, именно поэтому рядом с ними становилось спокойнее. Будто рядом наконец были люди, рядом с которыми можно просто существовать.

Я достал телефон и несколько секунд смотрел на экран, прежде чем открыть диалог с мамой. Пальцы замерли над клавиатурой. Потом я всё-таки написал:

"Уехал с друзьями за город на пару дней. Всё нормально. "

Через минуту пришёл ответ почти сразу:

"Хорошо. Только будь осторожен. И позвони хотя бы завтра. "

Я смотрел на сообщение ещё несколько секунд. Потом убрал телефон в карман и прислонился виском к холодному стеклу. Машину мягко покачивало на заснеженной трассе. Голоса Лиамы и Эвелин постепенно стали тише, музыка смешалась с шумом дороги, и я сам не заметил, как уснул.

Проснулся я от того, что машина остановилась. Несколько секунд я вообще не понимал, где нахожусь. Перед глазами всё ещё стояла размытая темнота трассы, а в голове неприятно гудело после сна в неудобном положении. И потом я медленно поднял взгляд к окну.

Ваткинс-Глен встретил нас почти полной тишиной. Небольшой городок выглядел так, будто его специально построили для зимних открыток — редкие фонари, старые до-

ма, пустые заснеженные улицы и мягкий свет в окнах. Снег здесь лежал толще, чем в Итаке, а вокруг тёмными силуэтами поднимались холмы и лес.

Но больше всего я смотрел не на город. А на домик впереди. Он стоял чуть в стороне от дороги, почти у самого леса. Небольшой, деревянный. С тёплым жёлтым светом в окнах и заснеженной крышей. На веранде горел один старый фонарь, освещая ступеньки, покрытые снегом. От трубы медленно поднимался дым, растворяясь в чёрном ночном небе.

Дом выглядел настолько спокойно, что на секунду показался ненастоящим. Будто декорацией из фильма, где у людей почему-то всегда есть время поговорить друг с другом нормально.

Эвелин довольно выдохнула с заднего сиденья:

— Вот теперь это уже похоже на каникулы.

Лиам заглушил двигатель и посмотрел на меня.

— Ну что, Хоторн. Готов временно стать лесным человеком?

Я всё ещё смотрел на домик. На свет в окнах. На снег. На лес за ним. И избавился от ощущения что мне срочно нужно куда-то бежать.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. ТРАНЗИТ

«Все́му своё время, и время всякой вещи под небом:

время обнимать, и время уклоняться от объятий. »

— Екклесиаст 3:1,5

День прошёл удивительно спокойно. Без тяжёлых разговоров и звонков.

Мы почти никуда не ездили. Утром Эвелин заставила нас выйти за кофе в маленькую пекарню у дороги, потом мы долго бродили по заснеженным улицам Ваткинс-Глена, заходили в какие-то крошечные магазины с пластинками и старыми книгами, а после обеда вернулись обратно в домик.

Лиам почти всё время шутил. Эвелин спорила с ним буквально обо всём. А я просто находился рядом с людьми, не думая постоянно о том, как себя вести правильно.

К вечеру снег за окнами усилился. Домик постепенно наполнился тёплым жёлтым светом ламп, запахом пиццы и тихой музыкой из старой колонки на кухне. А потом электричество внезапно выключилось. Всё погрузилось в темноту настолько резко, что Эвелин вскрикнула:

— Если это маньяк, то я сразу хочу предупредить: я очень

неприятный человек.

Лиам где-то в темноте тяжело вздохнул.

— Господи, ты смотрела слишком много сериалов.

— Это базовая осторожность.

Я тихо рассмеялся, глядя, как за окном продолжает медленно падать снег. Через пару минут Лиам нашёл свечи. Тёплый свет сразу сделал дом ещё уютнее. Тени дрожали на стенах, снег за окнами казался почти синим в ночной темноте, а весь мир вокруг словно исчез за пределами этого маленького деревянного дома.

Эвелин устроилась прямо на полу у дивана, завернувшись в плед.

— Всё. Теперь это официально сцена из подростковой мелодрамы.

— Не хватает только чувака с гитарой, — сказал я.

Лиам посмотрел на меня.

— Я сейчас выгоню тебя на улицу.

— Наконец-то проявился твой настоящий характер.

Он только усмехнулся и поставил на стол старую коробку с настольной игрой, найденную где-то на полке.

— Отлично. Раз электричества нет, будем унижать друг друга интеллектуально.

— Это твоя сильная сторона? — спросила Эвелин.

— Нет. Но эмоционально я уже устал.

Следующие несколько часов прошли легко. Мы играли в какие-то старые настолки с потерянными правилами, спори-

ли о том, кто жульничает, смеялись над абсолютно глупыми вещами. Эвелин постоянно меняла правила в свою пользу, Лиам возмущался так драматично, будто речь шла минимум о международном преступлении. В какой-то момент Эвелин посмотрела на меня через стол, освещённый свечами.

— Ты сейчас вообще другой человек.

Я нахмурился.

— В смысле?

— В Итаке ты всё время выглядишь так, будто мысленно готовишься к катастрофе.

Лиам кивнул.

— Да. А сейчас ты хотя бы похож на живого.

— Спасибо. Очень воодушевляющее описание.

— Не за что.

Ближе к ночи дом окончательно затих. Свечи почти догорели, настольная игра давно превратилась просто в разбросанные по столу карточки, а снег за окнами всё ещё медленно падал в темноте, будто время снаружи остановилось.

Лиам уснул прямо на диване. Абсолютно бесславно, он просто замолчал посреди очередного саркастичного комментария, откинул голову назад и через пять минут уже спал, укрывшись пледом только наполовину.

Эвелин тихо смеялась, глядя на него.

— Это его суперспособность.

— Засыпать посреди разговора?

— Нет. Делать вид, что он вообще не устал, пока букваль-

но не отключится.

Я смотрел на Лиама несколько секунд. Во сне он выглядел младше. Спокойнее. Без своей постоянной иронии и напряжения в глазах. Наверное, впервые с момента знакомства.

Эвелин поднялась с пола и ушла на кухню, а через минуту вернулась с двумя кружками чая. Одну молча протянула мне. Я взял её и устроился глубже в кресле напротив дивана. Несколько секунд мы оба молчали. Тишина не казалась неудобной.

— Он очень боится оставаться один, — вдруг тихо сказала Эвелин, глядя на спящего Лиама.

Я перевёл взгляд на неё.

— Не похож.

Она усмехнулась уголком губ.

— Лиам вообще не похож на половину того, кем является на самом деле.

Свеча между нами тихо потрескивала. Я сделал глоток уже остывающего чая.

— Вы давно знакомы?

Эвелин кивнула.

— Почти всю жизнь.

Она говорила спокойно, но взгляд её всё время возвращался к Лиаму.

— Моя мама работала в детском доме недалеко от Сиракьюса. Не воспитателем даже... скорее чем-то вроде психолога для детей.

Я удивился.

— Лиам вырос там?

Она медленно кивнула. И почему-то после этого всё внутри меня сразу встало на свои места. Некоторые вещи вдруг стали слишком понятными.

Эвелин была рада каким-то своим воспоминаниям.

— Я постоянно таскалась с мамой на работу. Она не могла оставлять меня дома одну, а мне нравилось быть там. В детстве мне казалось, что это просто огромный странный дом с кучей детей.

Она замолчала ненадолго.

— Лиам был самым тихим из всех.

Это удивило меня настолько, что я даже переспросил:

— Тихим?

Эвелин тихо усмехнулась.

— Я знаю. Сейчас звучит как шутка.

Она подтянула ноги ближе к себе и продолжила уже тише:

— Но тогда он почти ни с кем не разговаривал. Постоянно сидел отдельно. Всё время рисовал что-то в старых тетрадях или слушал музыку в дешёвых наушниках.

Почему-то представить маленького Лиама с вечно недовольным лицом оказалось слишком легко.

— Сколько ему было?

— Когда мы познакомились? Лет десять, наверное. Мне восемь.

За окном ветер снова бросил снег в стекло. Эвелин про-

вела пальцем по кружке.

— Знаешь, что самое ужасное в детских домах?

Я молча посмотрел на неё.

— Не то, что детям плохо живётся.

Она выглядела очень спокойно для такой темы.

— А то, что они постепенно привыкают, что никто не остаётся навсегда.

Я отвернулся. Эти слова почему-то прозвучали слишком тяжело в тишине маленького домика.

— Лиам никогда не ждал, что взрослые сдержат обещания, — продолжила она. — Или что люди вообще останутся рядом надолго. Поэтому он научился первым делать вид, что ему всё равно.

Я тихо выдохнул.

— А ты? — спросил я тихо. — Почему осталась рядом?

Эвелин посмотрела на меня так, будто вопрос показался ей странным.

— Потому что он был хорошим человеком.

— Даже тогда?

Она усмехнулась.

— Особенно тогда.

На секунду в комнате снова стало тихо. Только дыхание Лиама где-то рядом. И снег за окнами.

— Он очень долго думал, что с ним что-то не так, — сказала Эвелин спустя время. — Потому что за ним никто не приходил.

Я почувствовал, как внутри что-то неприятно сжалось. Эвелин смотрела на свечу.

— Однажды какой-то мужчина почти оформил опеку. Лиам тогда неделю ходил счастливый. Начал нормально разговаривать с людьми. Даже улыбался чаще.

Она коротко усмехнулась.

— А потом тот просто исчез.

Я медленно опустил взгляд.

— После этого Лиам перестал ждать вообще чего-либо от людей.

Свеча дрогнула от сквозняка.

— И до сих пор боится, что если станет для кого-то слишком важным, то его опять оставят.

Я посмотрел на спящего Лиама. На его уставшее лицо. На руку, свисающую с дивана. И вдруг понял, почему рядом с ним мне всегда казалось, будто он одновременно очень близко и бесконечно далеко. Эвелин вдруг перевела взгляд на меня.

— Поэтому он и привязался к тебе так быстро.

Я нахмурился.

— Почему?

Она чуть улыбнулась.

— Потому что ты смотришь на людей так, будто всё ещё веришь, что их можно спасти.

Я ничего не ответил. Потому не был уверен, хорошо это или нет. Я ещё несколько секунд смотрел на спящего Лиама,

пытаясь уложить всё услышанное в голове.

Потом тихо спросил:

— Тогда в чём разница?

Эвелин посмотрела мне в глаза.

— Между чем?

— Между ним и Нейтом.

Она молчала. Я поставил кружку на пол и устало провёл рукой по волосам.

— Ты говоришь, что Лиам привязался ко мне, потому что боится, что люди уходят. Нейт... такой же. Может, даже хуже. Но когда дело касается Нейта, все вокруг смотрят на меня так, будто я делаю что-то неправильное.

Свеча дрогнула от ветра за окном.

— Почему с Лиамом это нормально, а с Нейтом нет?

Эвелин будто подбирала слова осторожнее, чем обычно.

Потом тихо сказала:

— Потому что Лиам не пытается сделать тебя ответственным за свою жизнь.

Я нахмурился.

Она чуть подалась вперёд.

— Понимаешь... есть огромная разница между человеком, которому рядом с тобой становится легче, и человеком, который начинает требовать, чтобы ты стал причиной, по которой ему вообще стоит держаться на плаву.

— Нейт не требовал этого напрямую, — сказал я тихо.

— Такие вещи редко говорят напрямую.

В комнате снова стало очень тихо.

— Лиам никогда не заставит тебя чувствовать вину за то, что ты живёшь своей жизнью. Даже если ему будет плохо.

Я невольно вспомнил магазин. Спокойное лицо Нейта. То, как странно пусто прозвучало его: "Отдохни нормально."

Эвелин будто поняла, о чём я думаю.

— Нейт хочет, чтобы рядом кто-то был. Постоянно. Потому что без людей вокруг ему приходится оставаться наедине с собой, а он этого не выносит.

Я медленно опустил взгляд.

— А Лиам?

Она чуть улыбнулась.

— Лиам скорее исчезнет сам, чем позволит кому-то тащить его на себе.

Я тихо выдохнул. Теперь это звучало предельно точно.

Эвелин подтянула плед ближе к себе.

— Ты не обязан спасать людей только потому, что понимаешь их боль, Элиот.

Эти слова прозвучали почти шёпотом. Но почему-то ударили сильнее всего за вечер. Я долго молчал. Она сказала вслух именно то, о чём я сам боялся думать последние недели. Что рядом с Нейтом я всё чаще чувствовал не дружбу. А ответственность. Будто если я отвернусь хоть на секунду — обязательно случится что-то плохое.

Эвелин смотрела на меня удивительно спокойно. Без осуждения.

— И знаешь ещё что?

Я поднял взгляд. Она кивнула в сторону спящего Лиама.

— Ему хорошо рядом с тобой не потому, что ты его спасаешь.

Свеча тихо потрескивала между нами.

— А потому что рядом с тобой он может наконец не защищаться каждую секунду.

Я снова посмотрел на Лиама. На его спокойное лицо. На то, как он спал, даже не пытаюсь контролировать всё вокруг. И понял, что рядом с ним я чувствовал почти то же самое.

На следующее утро я проснулся раньше остальных. В доме было тихо. Только где-то на кухне гудел старый холодильник, а за окнами медленно падал снег. Свет снаружи был серым, зимним, и весь лес вокруг домика выглядел так, будто его нарисовали простым карандашом — деревья, холмы, небо, всё в холодных оттенках.

Я несколько секунд просто лежал, глядя в потолок. Из кухни слышался грохот.

Потом голос Лиама:

— Если это опять овсянка, я официально уезжаю отсюда пешком.

Эвелин что-то сонно пробормотала в ответ. Я невольно усмехнулся и спустился вниз.

Лиам стоял у плиты в серой толстовке и пытался сделать кофе так сосредоточенно, будто от этого зависела его жизнь. Эвелин сидела за столом, завернувшись в плед и выглядя

так, словно её насильно вернули в реальность.

— Доброе утро, Хоторн, — сказал Лиам. — Скажи честно. Ты тоже считаешь, что люди, которые едят овсянку добровольно, психически нестабильны?

— Смотря сколько сахара добавить.

— Спасибо. Наконец-то адекватный человек.

Эвелин подняла на нас тяжёлый взгляд.

— Вы оба ведёте себя как два мальчика, которым впервые разрешили жить без взрослых.

— Так и есть, — сказал Лиам.

Через час мы уже снова ехали по заснеженной дороге к озеру. Днём всё выглядело совсем иначе. Озеро Сенека больше не казалось чёрным и пугающим. Теперь вода была стальной, холодной, а снег вокруг делал всё почти слишком тихим. Дороги пустовали, редкие дома прятались среди деревьев, а небо висело низко над холмами.

Эвелин включила музыку слишком громко, чтобы она мешала разговорам. Лиам одной рукой держал руль, второй лениво постукивал по стакану с кофе.

— Итак, — сказал он. — Сегодня у нас культурная программа.

— Это уже звучит опасно.

— Мы покажем тебе, как нормальные люди отдыхают.

— Вы вчера заставили меня играть в настолку три часа подряд.

— И тебе понравилось.

К сожалению, он был прав. Я отвернулся к окну, пряча улыбку. Эвелин вдруг наклонилась между сиденьями.

— Кстати, я всё хотела спросить. Каким ты был в школе?

Я усмехнулся.

— Очень тихим.

Лиам коротко посмотрел на меня.

— Не верю.

— Почему?

— Потому что тихие люди обычно не дерутся в университете в первый месяц.

— Это была разовая акция.

— Конечно.

Я закатил глаза.

— Вообще-то в школе я почти ни с кем не общался.

Эвелин внимательно слушала.

— И что делал всё время?

Я задумался.

Перед глазами неожиданно всплыли старые вечера дома. Дождь за окнами. Комната. Запах красок.

— Рисовал, наверное.

Лиам рассмеялся.

— Звучит очень неожиданно для человека, который буквально рисует постоянно.

— Спасибо за наблюдательность.

Он улыбнулся уголком губ.

— Обращайся.

Машину пришлось оставить чуть дальше у дороги, потому что узкая тропинка к берегу уже успела полностью замести. Воздух был холодным настолько, что дышать сначала даже стало больно, но через пару минут тело привыкло, и осталась только эта странная зимняя свежесть, от которой мысли становились тише. Вода уходила куда-то далеко за серый горизонт, сливаясь с небом. У берега лёд потрескался тонкими узорами, а снег лежал на камнях и старых деревянных пирсах так ровно, будто его специально раскладывали вручную.

Всё вокруг казалось слишком тихим. Даже красивым каким-то неправильным образом.

— Если я когда-нибудь исчезну, — сказал Лиам, идя впереди по снегу, — ищите меня где-нибудь здесь.

— Это потому что тут красиво или потому что тут почти нет людей? — спросил я.

— Второе делает первое возможным.

Эвелин фыркнула.

— Какой ты всё-таки асоциальный.

— Я не асоциальный. Я избирательно уставший.

Мы медленно пошли вдоль берега. Снег хрустел под ногами, ветер тянулся со стороны воды, а где-то далеко слышался глухой звук льда. В какой-то момент Эвелин вдруг резко остановилась.

— Всё. Мне нужна фотография.

— Началось, — тихо сказал Лиам.

Через пять минут он уже стоял по колено в снегу возле

старого пирса, пока Эвелин пыталась «поймать атмосферу».

— Почему я всегда страдаю ради искусства? — недовольно спросил он.

— Потому что у тебя трагичное лицо.

— Это просто холод.

Я поймал себя на мысли, что смеюсь уже слишком часто рядом с ними. Это ощущалось странно. Почти непривычно. Эвелин наконец осталась довольна фотографиями и побежала обратно к нам греться.

— Всё, теперь можете снова быть саркастичными.

Лиам посмотрел на меня.

— Слышал? Нам официально разрешили.

Мы пошли дальше вдоль берега, пока не нашли старую деревянную беседку почти у самой воды. Половину её занесло снегом, доски скрипели от ветра, но внутри всё равно оказалось удивительно уютно.

Лиам сел прямо на перила. Эвелин достала из рюкзака термос. А я стоял, глядя на озеро. На этот бесконечный холодный горизонт. И почему-то снова думал о доме. Я вдруг очень ясно понял, насколько тихо было внутри меня эти два дня без постоянного напряжения рядом с Нейтом. Без ощущения, что я обязан следить за чужим состоянием. Без этого бесконечного марафона, в конце которого ждал ответ на вопрос: Кто ты? Хороший доктор или непутевый сын?

— О чём задумался? — спросила Эвелин.

Я несколько секунд смотрел на воду. Потом честно отве-

тил:

— О том, что не помню, когда последний раз мне было настолько спокойно.

Лиам коротко взглянул на меня.

— Это потому, что ты впервые за долгое время находишься рядом с людьми, которые ничего от тебя не требуют.

Я усмехнулся.

— Ты сейчас звучишь подозрительно мудро.

— Ужасно, знаю.

Эвелин протянула мне термос.

— Привыкай отдыхать, Хоторн. У тебя с этим серьёзные проблемы.

Я сделал глоток горячего кофе и снова посмотрел на озеро. Ветер трепал волосы, снег медленно кружился над водой, а мир вокруг будто специально замедлился.

Поездка закончилась слишком быстро.

Утром домик уже не казался таким волшебным, как в первую ночь. Вещи были разбросаны по комнатам, кружки стояли на подоконниках, музыка играла тише, а за окнами всё тот же снег медленно падал на лес, будто время здесь вообще не двигалось.

Я складывал вещи в рюкзак, когда телефон завибрировал. Сообщение от Нейта.

"Мама приехала на пару дней. Так что дома теперь официальный семейный хаос. "

Я несколько секунд смотрел на экран. После этих двух

дней имя Нейта больше не вызывало прежней тревоги. Только усталость. Будто внутри наконец появилось расстояние между его проблемами и мной самим.

Лиам заглянул в комнату, натягивая куртку.

— Ты выглядишь так, будто тебе написала бывшая.

— Хуже. Нейт.

— А. Тогда соболезную.

Я усмехнулся и убрал телефон в карман.

Обратная дорога была тихой. Эвелин почти всю дорогу спала на заднем сиденье, Лиам лениво переключал музыку, а я смотрел в окно, наблюдая, как заснеженные дороги постепенно снова превращаются в знакомую Итаку.

И вместе с этим возвращалось то неприятное ощущение тяжести внутри. Будто город напоминал мне, кем я был до поездки. Когда мы свернули на мою улицу, Лиам вдруг нахмурился.

— Подожди... это же твой любимый психопат из университета?

Я поднял взгляд. У дома действительно стоял Томас. Тот самый. Томас Риверс.

Тот самый парень, с которым мы сцепились в университете. Любимчик декана. Человек, который смотрел на меня так, будто само моё существование его раздражало.

Он стоял прямо у крыльца рядом с Нейтом. Они разговаривали спокойно. Потом Томас достал из кармана плотный светлый конверт и протянул Нейту. Нейт без колебаний взял

его. Лиам тихо присвистнул.

— И почему мне кажется, что это выглядит максимально незаконно?

— Потому что это выглядит максимально незаконно, — тихо сказала Эвелин.

— Ладно... теперь это выглядит ещё хуже.

Эвелин выпрямилась на заднем сиденье и нахмурилась.

— Это точно не похоже на дружескую встречу.

Я смотрел на Нейта. На то, как уверенно он убирает конверт во внутренний карман куртки. Будто делал это уже не первый раз. Томас что-то сказал ему и усмехнулся. Нейт ответил спокойно, как человеку, которого давно знает. Меня это почему-то задело сильнее, чем должно было.

Лиам перевёл взгляд на меня.

— Хоторн, только без драки в первые тридцать секунд.

Я уже открыл дверь машины.

— Ничего не обещаю.

Снег тихо захрустел под ногами. Холодный воздух сразу ударил в лицо. Томас первым заметил меня. Его улыбка стала шире. Раздражающе знакомой.

— О, Хоторн, — протянул он. — А я уже начал думать, что ты сбежал из города после нашего разговора в университете.

Я даже не посмотрел на него. Только на Нейта.

— Что происходит?

Нейт молчал всего секунду.

Но этой секунды хватило, чтобы понять — он не хотел, чтобы я это видел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.